

ИРИНА СЫРОМЯТНИКОВА

Разрушители

Москва, 2014

ИРИНА СЫРОМЯТНИКОВА

Диалогия
в одном
томе

- Разрушители •
- Магистр Разрушения •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С95

Серия основана в 2005 году
Выпуск 143

Художник
А. Клепаков

Сыромятникова И. В.

С95 Разрушители: Разрушители; Магистр Разрушения.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014.— 698 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1836-7

Арконат — страна волшебства и магии, совсем не похожая на рай (да и жители ее тоже не ангелы). Здесь есть место всем: жестоким правителям и неразборчивым в средствах колдунам, одержимым фанатикам и безумным убийцам. В этом ядовитом котле задумчивый книжник Гэбриэл Шоканги обречен стать марионеткой в руках короля и ордена магов. Но у Провидения свои планы на сына Великого Лорда: забытые сказки должны быть рассказаны, а истории — завершены. Нет, не судьба волшебникам спать спокойно. Приветствуйте и ужасайтесь: Разрушители возвращаются!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сыромятникова И. В., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1836-7

• Разрушители •

ГЛАВА 1

Начиная практику, следует привыкать к тому, что реальность выстраивается без учета наших планов.

Из «Наставлений молодым магам»

Шум, гам, бегающие повсюду дети, галдящие группы подростков, чинные мудрецы в серо-зеленых облачениях... Это — Королевская Академия Арконата. Ее многочисленные ученики — отпрыски самых знатных родов нашего королевства, отдать сюда своего ребенка нелегко и очень престижно. Дело не в том, что здесь преподают лучшие учителя континента, кое-кто из благородных может себе позволить и не такое, вот только обеспечить своему наследнику абсолютную защиту, какую может предоставить только Арконийский орден магов и заклинателей, в одиночку не в силах никто из Великих Лордов. А это важно для нас, мне ли не знать, насколько это важно! Но, пообещай им золотые горы и бриллиантовые россыпи, чародеи не станут так напрягаться. Что заставляет их заботиться об Академии? Я не знаю.

Так и выходит, что дети всех сколько-нибудь важных арконийских семейств растут и учатся вместе. В огромном комплексе зданий Академии есть место для всех, каждый будет размещен с комфортом и достигнет зрелости в атмосфере заботы и понимания, словно в огромной драгоценной шкатулке, прекрасной, сверкающей и плотно закрытой. Непроницаемой. Возможно, я думаю так потому, что прожил снаружи дольше, чем любой из них.

Повсюду царит веселая суета. Сегодня не будет занятий, не будет домашних заданий. Сегодня, а также в последующие пять дней: грядет праздник Равноденствия. Гуляют все! Оживленная толпа словно обтекает рослого молодого человека в ученической форме, с отвратительным (хотя и полустертым магией) шрамом, перечеркивающим левую сторону лица от брови до уголка рта. Этот человек — я, шрам — память о годах, проведенных вне Академии, глаза разного цвета (серого и бледно-желтого) — свидетельство мастерства магистра Нантрека, оказавшегося способным восстановить утраченный орган буквально из желе.

Для своих лет я очень высок и крепок телом. Мне семнадцать, но

ростом я со взрослого мужчину, и в тренировочных боях мне уже давно не приходилось фехтовать с одногодками — смысла нет. Обычно против меня выставляют взрослых бойцов, преимущественно молодых Стражей. Иногда мне удается выбить меч из их рук, не думаю, что они мне поддаются. Наставник Ребенген говорит, что это «компенсаторная реакция», вроде как боги компенсируют мне мой недостаток. Неполноценность.

Я совершенно не имею способностей к магии.

Каждый человек несет в душе искорку магического таланта, теоретически. Любой, от забитого раба на южных плантациях до дикого северного лесовика, способен (при должном обучении) произнести пару-тройку простейших заклинаний. Я имею счастье представлять собой уникальную аномалию — человека, который никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет воспользоваться волшебством. Самостоятельно то есть. Конечно, придет время, когда у меня будут придворные прорицатели, толкователи сновидений и даже настоящие волшебники со своими Стражами. Они будут низко кланяться и все сделают за меня, потому что я — единственный сын и наследник Великого Лорда Шоканги, Гэбриэл сын Бастиана. Очень красивое имя, мне все так говорят.

А еще — все пытаются быть со мной дружелюбными.

— Гэбриэл! Вот ты где! Опять гуляешь в одиночестве? — От двустворчатых дверей, ведущих к библиотеке, галерее искусств и еще множеству чрезвычайно важных мест, мне улыбался наставник Чомпен.

Чомпен — преподаватель зоологии, человек, обладающий удивительной способностью располагать к себе с первого взгляда. У него нет ни капли чванства, которое мог бы себе позволить чародей его уровня. На его улыбку почти невозможно не ответить, даже у моего отца приподнимаются уголки рта, а голос теряет повелительную интонацию. Я не мог симитировать эту реакцию и старался делать вид, будто ничего не замечаю.

— Добрый день, мастер Чомпен. Хотел пройтись до оранжереи, посмотреть на новую коллекцию мастера Висконти. Говорят, орхидеи уже зацвели.

Это была глупая отмазка, я это понимал, и Чомпен это понимал. Просто в такие дни, когда кругом царит шум и оживление, я чувствую себя особенно странно. Я не могу присоединиться к веселой суете и принимаюсь бродить повсюду без всякой цели, смущая окружающих своим мрачным видом. Знаю, они за глаза называют меня тупым, надменным переростком, и мне нечего на это возразить. Если очень надо, я способен убедительно изобразить энтузиазм, но особого удовольствия это мне не доставляет.

— Новые экземпляры появились не только в оранжерее, — сочувственно улыбнулся Чомпен, — в библиотеке тоже есть пополнение.

— Спасибо, сэр.

Чомпен — один из немногих, кто понимает мое отношение к праздникам и не пытается меня развлекать. «Сердцу биться не прикажешь», — подслушал я как-то его спор с мастером Ребенгеном. Очень поэтично.

В такой день библиотека была почти пуста. Я выбрал среди новых поступлений самые многообещающие названия и забился в дальний угол. Первая книга, «Хроники Тассервельдера», была названа хрониками по чистому недоразумению. Хронист писал ее задним числом и явно не задаром: первые три страницы были заняты подробным объяснением того, почему пресловутого Тассервельдера, с помощью армии наемников захватившего трон Изумрудной империи, следует считать героем. На мой взгляд, человек, сжегший собственную мать как ведьму, героем не мог быть по определению. И пусть Анита Хариган назовет меня занудой, я предпочитаю считать это прагматическим складом ума. «Хроники» вернулись к библиотекарю за рекордно короткое время. Следующими были два тома дневников Робена Папарзони. Я раскрыл переплетенную воловьей кожей книжку полный скепсиса, но скоро ушел в чтение с головой. Это были именно дневники. Мелкий клерк из Зефериды Папарзони отправился из своего родного города в далекий Хеусинкай через весь громадный материк с целью, суть которой в дневниках не излагалась. Зато само путешествие и все, что тато Робен встречал на пути, было описано с полным знанием дела. Зеферидец обладал зорким глазом и отменным слогом, парой фраз он запечатлевал на бумаге узнаваемые образы купцов и стражников, крестьян и горожан. Его путь лежал по землям и государствам, которых не было на картах Арконата уже много-много веков, поля испещряли крошечные зарисовки-иллюстрации, в тексте попадались записи анекдотов тысячелетней давности. Я читал на древнеарабийском довольно бегло, вместе с зеферидцем я шел через Феллу и Кабрин, по долинам и горным тропам, через бесчисленные селения и великолепные города. Целых десять страниц уделялось описанию легендарного Ганту, крепости, потерянной ныне в Поющих Песках. Неутомимый Папарзони побывал у горячих источников Янкале и пересек бурный Геброс по удивительному подвесному мосту длиной почти в триста локтей. Этой книге не нужен был сюжет, волшебное путешествие длилось и длилось, реальность вторглась в сказку внезапно, на восемьсот сорок шестой странице. Угловатопоспешным, нехарактерным для Папарзони почерком на ней было начертано несколько строк, что-то про «прощай» и пожелания какой-то Эбре. Разворот книги был покрыт бурыми следами тщательно зачищенных реставраторами пятен. Кровь. Тато Робен так и не попал в Хеусинкай.

Некоторое время я сидел над открытой страницей, пялясь в нее невидящим взглядом. Такие моменты действительно пробирают меня сильнее, чем песни про героев вроде Тассервельдера. В душе начинает

ворочаться что-то непонятное, чужое и темное, и тоска. Если я позволю этому настроению взять верх, то не смогу ни с кем общаться еще дня два, а сейчас не самое подходящее время для отшельничества.

Я закрыл книгу и вернул дневники зеферидца библиотекарю, твердо обещав себе, что позже перечту их еще раз. Если бы я знал, сколько времени пройдет, прежде чем я снова попаду в тихие библиотечные залы! Спокойная жизнь ученика Академии подходила к концу, просто мне об этом еще не сказали.

ГЛАВА 2

Постигая Искусство, глупо разделять навыки на высокие и низкие.

Из «Наставлений молодым магам»

Наставник, а вернее мэтр, Теодор Ребенген всегда имел множество весьма противоречивых интересов. По Академии бродили сотни умопомрачительных историй о похождениях отчаянного мага, найденных им реликвиях, спасенных девицах и сокрушенных чудовищах. Реальные деяния Ребенгена были более удивительны, чем вымысел, хотя и не столь эстетически привлекательны. Например, одним из его увлечений (и обязанностью) было содействие уголовной полиции Арконата в расследовании особо тяжких преступлений. Именно в этом заключалась причина его частых отлучек из Академии, но ученикам, естественно, совершенно необязательно было знать, что их наставник уезжает за тридевять земель лишь затем, чтобы поковыряться в полуразложившемся трупе. Мэтр Ребенген считался признанным экспертом в судебной медицине и даже выступал с лекциями перед практикующими магами-криминалистами. Нынешнее его дело было не столь драматическим: в столице Арконата все-го-навсего завелся вор.

Правда, вор весьма неординарный.

— Сэр, разве я стал бы беспокоить вас без веской причины?

Мэтр Ребенген покачал головой. Капитан полиции Гатанги не из тех, кто поднимает панику по пустякам.

— Это дело дурно пахнет. Я не хочу обнаружить, что мог подавить кризис в зародыше, но в нужный момент ничего не предпринял.

Ребенген снова кивнул:

— Значит, говорите, странный тип?

— Странный — это не то слово, сэр. По рассказам моих ребят — сущий урод. Маленький, глазастый, бледный, как вампир. Такое впечатление, что он умеет летать или вообще не оставляет следов. Совершенно невозможно понять, как он попадает в помещение и покидает его — разве что через замочную скважину. Три года мы идем по его

следу, и нам ни разу не удалось загнать его в угол. Мне кажется, что он над нами просто издевается!

— Неуважение к стражам порядка...

— Уважение, сэр? Не думаю, что ему знакомо это слово. Он успел пройтись по больным мозолям всех сколько-нибудь значимых людей этого города, включая главу гильдии воров. От него практически невозможно что-либо спрятать, по слухам, он умудрился взломать даже реликварий храма Черепов... хотел бы я знать, где эти ублюдки угнездились!.. Дело не в деньгах — в городе не осталось места, где бы он мог их потратить. Такое впечатление, что он продолжает воровать просто из любви к искусству...

— ...и действует с применением магии.

Капитан пожал плечами:

— Практически все, кого он обокрал, использовали магические замки и печати, рекомендованные орденом магов. Уверен, те, кто ко мне не обращался, использовали и что-нибудь... э-э-э... не примите это на свой счет, сэр...

— Что-нибудь более летальное и нелегальное? — поднял бровь Ребенген.

— Очень точное определение, сэр, — похвалил капитан. — Но это им не помогло.

— Забавно. — Маг поджал губы. — И вы опасаетесь...

— ...что, пресытившись кражами, он захочет пощекотать себе нервы другим способом, — закончил за него капитан.

— Возможный вариант.

— Могу ли я надеяться на вашу помощь, сэр?

— Несомненно. Вы меня просто заинтриговали. Могу ли я увидеть ваши записи?

— Прямо сейчас, сэр?

Мэтр Ребенген тонко улыбнулся:

— Нет, капитан Хог, лучше после обеда.

Два дня потребовалось Ребенгену, чтобы изучить содержимое сундуков и коробок, наполненных отчетами о похождениях человека, известного всей Гатанге под именем Тени Магистра. Очень скоро маг понял, что опасения капитана Хога не лишены оснований. Безнаказанность порождает вседозволенность, шутки Тени со временем приобретали все более изощренный и непредсказуемый вид. Последние жертвы ограблений лишь чудом избежали серьезных увечий. Что будет, если кто-нибудь умрет, пусть случайно? Вразумит ли это вора или он, шутя, сделает последний шаг и полностью уподобится тому, чье имя носит? По преданию, призрак Великого магистра Ольгарда выискивал среди живущих перерожденные души своих убийц, дабы никто из них не задержался в этом мире надолго.

По мере чтения докладов у Ребенгена возникал и другой вопрос,

метафизического характера. Для прояснения его он нанес несколько визитов свидетелям по делу, в основном охранникам и полицейским.

— Он бежал перед нами. Я точно видел, как мелькал на поворотах этот его чертов плащ, точно черная простыня. Оттуда не было другого выхода, только мимо нас.

— В коридоре был высокий потолок? — поинтересовался мэтр Ребенген.

Собеседник хохотнул:

— Вы бы могли дотянуться до него рукой, сэр. Нет, у него не было ни места, ни времени прятаться.

— А когда вы вошли, украденная шкатулка валялась посреди комнаты...

— Да, сэр! И вокруг никого. — Бывший охранник залпом осушил свой стакан.

После той памятной встречи с Тенью этот человек почти все время пил. Ребенген видел в этом тревожную закономерность.

— Мы стояли там и озирались... — Глаза бывшего охранника потемнели от воспоминаний. — И вдруг словно что-то коснулось моего сердца, как будто он прошел *сквозь* нас.

Ребенген положил руку на плечо своего собеседника, быстро отправив в его тело простое гармонизирующее заклятие.

— Все закончилось. Вам больше нечего бояться. Я найду его, обещаю. А вы начнете новую жизнь. Хорошо?

Охранник кивнул и шмыгнул носом.

Ребенген шел в свой офис на Холме Академии, полностью погруженный в думы. Шестеро человек с одинаковыми симптомами, пугающе знакомыми признаками магического вмешательства. Темное колдовство? Действовать следовало решительно и резко. Пока единственным, кого Тень Магистра не успел обокрасть, оставался Арконийский орден магов. Ребенген улыбнулся. Неужели великий вор упустит возможность для своего абсолютного триумфа?

ГЛАВА 3

Любой оценивший вероятность произвольного соединения ствола дерева, жил и кости в боевой лук должен согласиться, что стрелу и мишень следует признать изначально существующим целым...

Рассуждения неизвестного богослова

Основой планировки Гатанги, столицы королевства Арконат, были два холма. На срытой вершине одного из них располагались Королевская Академия Арконата и резиденция Арконийского ордена магов, на вершине другого — королевский дворец. Вернее сказать —

замок, одна из самых неприступных крепостей континента. Вертикальные стены рукотворного утеса поднимались на такую высоту, что сама мысль забраться на них выглядела полным безумием. В недоступной вышине белели обманчиво-беззащитные кружевные арки и башенки королевской резиденции. Комплекс зданий Академии был полной противоположностью дворцу: невысокая белая стена причудливо вилась по складкам рельефа, невзначай отделяя от города постройки, парки, площади и даже небольшой лес. Ни одно здание, за исключением башни ордена магов, не превышало в высоту трех этажей. Планировка комплекса была подчеркнута свободной. Однако счесть Академию местом более доступным, чем королевский дворец, мог только полный идиот — гранитным основанием Академии была магия.

Холмы разделяла река со странным названием Эт-Кемаи. С незапамятных времен ее берега были одеты в камень и сшиты арками трех десятков мостов. На берегах реки раскинулась Гатанга. Если не считать четырех главных проспектов и трех площадей, застройка города была совершенно хаотической. Только на склонах двух холмов, в кварталах, населенных богатейшими людьми Арконата, стояли каменные дома, но и они за сотни лет сгрудились так плотно, что издали напоминали гроздь мазанок. Почти вся остальная Гатанга была деревянной, хотя дома достигали и трех, и четырех, и пяти этажей в высоту. Причин тому было две. Первой и главной была близость и доступность строевого леса, произрастающего в провинции Каверри к северу от Эт-Кемаи, — только жители Гатанги могли использовать этот материал за разумную цену. Второй была печальная регулярность наводнений — два раза за сто лет река выходила из берегов и полностью смывала все постройки, расположенные в пойме, так что строить здесь что-то более капитальное смысла не имело. Слабым исключением был квартал ремесленников, расположенный на небольшой возвышенности ниже по течению от двух основных холмов. Этот район избегал воды, зато регулярно опустошался пожарами.

Сколько бы раз вода и огонь ни сметали Гатангу с лица земли, всего за пару лет она возникала там же и в том же виде. Притяжение двух великих Холмов, а также пересечение единственной на континенте судоходной реки с большим сухопутным трактом оказывалось сильнее всех стихий. Город веками считался важным центром торговли, образования и искусства и вдобавок к этому рассадником мошенничества и воровства. Высокая магия и порок причудливо переплетались на его узких улочках.

А бремя поддержания порядка на этих улочках лежало на плечах городской полиции Гатанги. Профессия полицейского была высокооплачиваемой, но нервной. Особенно это было заметно перед крупными праздниками вроде дня Равноденствия. Сержант патруля Мобильной Стражи, самого многочисленного подразделения полиции,

давно уже перестал воспринимать праздники как повод для веселья. Самым хорошим временем года он считал конец осени, когда холодные дожди разгоняли по пивным всех городских подонков. Однако до осени было еще далеко.

Патруль из пятерых стражников следовал по маршруту от улицы Синего Вепря до площади Зеркал. Квартальчик был как раз из тех, куда меньше чем впятером соваться не имело смысла. В Мобильную Стражу брали только здоровяков ростом не ниже среднего. В полном доспехе, в шлемах с опущенными забралами, под чуть мерцающим закланием ночного зрения ребята выглядели оч-чень представительно. Но расслабляться не стоило, иначе можно было в два счета получить собственной дубинкой по затылку. Сержант вздохнул. Почему люди так неблагоприятны?

Особо экономичные масляные фонари (изобретение городского муниципалитета) едва освещали улицу. В столь поздний час прохожих было немного, а те, что попадались, норовили проскочить мимо патруля по стеночке, что заставляло подозревать их в нечистых помыслах. Но свежих ориентировок или сигналов тревоги к сержанту не поступало, а дергать местных обитателей без повода он не хотел. Видит Бог, жизнь здесь и так не сахар!

Где-то на середине маршрута неторопливо шествующий патруль поравнялся с единственным человеком, не потрудившимся ускорить шаг при приближении стражников. Взгляд сержанта невольно задержался на нем.

Щуплая, невысокая фигурка,двигающаяся с грацией развинченной марионетки. Легкие штаны и свободная рубашка, легкомысленно перекинутый через плечо плащ — униформа «доступного мальчика», обычный наряд на улицах Гатанги. Скудный свет фонарей не позволял рассмотреть подробности, но что-то все-таки зацепило взгляд стражника.

— Эй, беби, погоди-ка.

Мальчишка обернулся, стражнику стали видны его лицо и кисти рук. Кожа цвета мела. Ровно половину лица занимали глаза, оставшуюся часть пересекала длинная, от уха до уха, щель рта, растянутая в клоунской улыбке. Даже издававшие виды стражники на мгновение отшатнулись, а потом рванулись вперед, но было уже поздно. Уродец нырнул в тень и словно растворился в ней без остатка.

— Тьфу ты нечисть! — выругался сержант.

— Эй, Чип, а кто это был? Неужели?..

— А кому еще быть?! Блин, Тень Магистра... Чтоб он сдох, висельник проклятый!

Тремя этажами выше невидимый в темноте мальчишка жутко улыбнулся незадачливым преследователям. Пусть злятся! Это так возбуждает. Безлунная ночь — доброе время. Непроглядный мрак ла-

сково гладит кожу. В такую ночь весь город принадлежит ему, и все, к чему он прикоснется в темноте, его собственность, законная добыча.

По хлипкой черепице странный мальчишка шагал так же свободно, как и по гранитной мостовой. Весил он меньше, чем большинство детей его роста, но фокус был не в этом. Просто он *видел* эту черепицу так, как больше никто. Видел слабину внутри плиток, подгнившие доски обрешетки или скользкие пятна влаги. Темнота ничего не прятала от него. Настроение у Тени было приподнятое, цель этой ночи уже маячила перед ним.

По случаю дня Равноденствия, совпавшего в этом году с днем реинкарнации кого-то-там, в здании Старого Рынка на площади Зеркал была устроена выставка. Надеясь привлечь внимание горожан к событиям истории, орден магов доставил в Гатангу настоящую реликвию — платиновую гривну, являющуюся отличительным знаком в ордене Разрушителей. Самих Разрушителей никто не видел уже добрую тысячу лет, но вещи, принадлежавшие им, до сих пор сохраняли частичку их таинственной мощи. Достойная добыча!

При мысли о сокровище Тень испытывал чувство, какое гурман испытывает в предвкушении любимого лакомства. Он заберет эту вещь, унесет и спрячет там, где прятал все, что нельзя было съесть. Собрание трофеев было единственным, что доказывало его движение в темноте, продолжительность его существования и сам факт бытия. Этого было вполне достаточно, чтобы Тень не испытывал беспокойства по поводу отсутствия собственного имени, прошлого, семьи и прочих свойственных человеку атрибутов.

По...! Сегодня он уведет эту штучку у надутых чародеев. То-то будет потеха!

Здание Старого Рынка было одним из немногих в городе, способным вместить толпу праздных гуляк, которые наверняка захотят поглазеть на диковинки. План Рынка был известен, хотя, естественно, перед открытием экспозиции там многое должно было измениться. Выставку взялся охранять Арконийский орден магов, и Тень Магистра знал, что ни один городской вор не решился бросить вызов такому авторитету. Глупые забияки из гильдии воров могли побывать там только в качестве посетителей.

А он войдет и возьмет! Тень был уверен в своих силах как никогда. На дальних подходах к площади Зеркал вор начал оглядываться в поисках датчиков движения. Скоро он нашел их: магические, оптические, механические. Эти маги серьезно подошли к делу. Тень с видом знатока покачал головой. Может, из уважения к профессионалам он не станет устраивать им свои шутки, просто возьмет гривну и уйдет. Он добрался до кромки крыши и пристроился позади «недреманного ока», обшаривающего улицу вниз. Площадь Зеркал была пуста, но Тень знал, что на каждый ее дюйм устремлено множество внимательных взглядов. Дневной вор мог попытаться воспользоваться суетой,

но толпа только ограничила бы возможность маневра. У Тени был другой козырь в рукаве. Он внимательно осмотрел крышу Старого Рынка, ту ее часть, которая была открыта взгляду. Ловушки наверняка сосредоточены на северной стороне, там, где крыши окружающих зданий подходят к Рынку вплотную. С этой стороны сюрпризов было меньше: пара датчиков движения и ошеломляющий прожектор, для самого Тени вполне безвредный. Порттик над входом в Рынок создавал многообещающую тень, вор закрыл глаза и шагнул в нее, в мгновение ока перенесаясь через наштигованную магией площадь. Вот так! Пусть не думают, что ворожить могут только они.

По площади прогрохотала запоздалая телега — тоже в своем роде ловушка. Тень почувствовал, как сгущаются заклинания, подстерегая того идиота, который пожелает использовать «свой шанс».

Пора вниз. Он осторожно снял пару черепиц в самом темном месте крыши, ладони пощипывало от обилия магии, сосредоточенной внизу. Это будет не просто сделать! Тень подвернул полы безразмерного маскировочного плаща и стал просачиваться вниз.

Если бы он начал ограбление после полуночи, то ни за что не смог бы управиться до рассвета. Возможно, стоило осуществить задуманное не перед началом, а перед концом выставки? Но гривну могли неожиданно снять с экспозиции и увезти — на магов это похоже. Устроители выставки изменили планировку здания, перекроили пространство посредством множества перегородок и ширм, некоторые из них были рассчитаны на посетителей, подобных Тени. К опасностям полутемного лабиринта добавлялась человеческая охрана, которая стояла по углам, пряталась в альковах и обходила помещения, а также звери: по длинному опоясывающему проходу бегало полдюжины собак. Естественно, во внутренние помещения их не пускали, там они сами стали бы жертвами сторожевых систем, поэтому Тени легко удалось обойти мерзких хищников. Неприятным сюрпризом стали люди: не привычные городские стражники, а Стражи, избранные слуги чародеев. Здоровенные, откормленные ублюдки в зеркальных доспехах, перемещающиеся по скрипучим половицам с тихой грацией охотящегося зильфа. Хуже всяких собак. Тени сразу расхотелось шутить. Нет, пусть лучше его никто не видит. Потом можно будет сказать всем, что он тряс плащом перед их носом, но только потом, когда он унесет отсюда ноги и спрячет добычу в надежный тайник.

Никто в городе не знал точно, где находится гривна, но у Тени были соображения на этот счет. Экспонат будет популярным, значит, в угол его задвинуть не смогут. Волшебная реликвия, по слухам способная снимать любую порчу, должна привлечь толпы любопытствующих, страждущих и сумасшедших. Пропустить такую прорву народу можно было только через просторное помещение с отдельным входом и выходом, широкими дверями и сильной вентиляцией. Лезть

через вентиляцию Тень не рискнул — жестяные короба буквально вибрировали угрозой. Оставался классический способ.

Тень пристроился следом за обходчиками — тактика рискованная, но верная. Старый Рынок был не настолько велик, чтобы планировать в нем несколько маршрутов для охраны. Один и тот же патруль должен был проверять все ключевые точки. Тень упустил их трижды и трижды вынужден был дожидаться, когда они снова пройдут мимо. Время быстро иссякало.

Наконец охрана привела его к тому, что он искал. Купольный зал со сквозным проходом, без окон, одна дверь наглухо запечатана (нечего и думать вскрыть), зато другая не просто открыта, но и снята с петель. Очень разумно — если вор все-таки проникнет внутрь, у него не будет возможности запереть преследователей снаружи. У дверей стояли еще два Стража, проходя мимо, патрульные обменялись с ними кивками. Тень кожей чувствовал их скуку. Еще бы! Стоять и бдеть всю ночь, хотя ему понятно, что ни один человек не сможет пробраться сюда незамеченным. Тень ухмыльнулся и, распластавшись по стене, просочился в зал за спинами охранников.

Вах! Вот она, его гривна.

Тень удавил смертельную поспешность в зародыше и внимательно огляделся по сторонам. Зал являл собой классическое «неприступное место». Буквально каждый дюйм его был нашпигован сюрпризами. Фальшивый потолок лишал возможности закрепиться на нем. Стены, увешанные плакатами и гобеленами с неразличимым в темноте рисунком, были чувствительны к вибрации. Незримые лучи заклятий обшаривали зал по какому-то сложному алгоритму. Мимо механических ловушек не могла бы проشمыгнуть даже мышь (жаль, что он не взял с собой мышь). В воздухе плавало что-то невесомое, но опасное.

Здорово! Но при таком обилии магии заклинания не могут быть слишком чувствительными — они начнут срабатывать друг на друга. Он замаскируется под один из мобилей, а механические ловушки просто обойдет. Тень обвязал маскировочный плащ вокруг талии и приготовился к штурму. Единственное, что оставалось для вора неясным, — это назначение белых матовых шаров, развешанных длинными гирляндами по всему помещению. Шары были круглые, стеклянные и полые внутри. В них не содержалось ни тени угрозы, ни привкуса магии. Висели они на скрученном медном шпагате. Выбор материала для подвески был странным, но беспокойства не вызывал — горожане выдуваются.

Тень Магистра ступил на кафельный пол зала. Звонкий материал!

По коридорам топотал очередной обход. Проходя мимо, Стражи вновь кивнули сторожившим дверь охранникам и посветили ручными светлячками внутрь зала. Холодные зеленоватые лучи заплескались по комнате и на мгновение выхватили из темноты высокую деревян-

ную подставку с бархатной подушечкой на ней. Там должна лежать его гривна. Тени не нравился свет, а такой свет не нравился в особенности. Он словно живой — светит куда скажут. Он прикоснулся к его гривне! Какое гадство.

Выждав минуту, Тень двинулся к цели, осторожно ступая по кафелю босыми ногами и ловко избегая блуждающих по залу пузырей сторожевых заклятий. По полу были разбросаны стальные колючки, такие тонкие, что разглядеть их было бы сложно даже при ярком свете. Тень пропустил над головой парящий сгусток колдовства и переступил на следующую свободную от ловушек плитку. Неужели они думали поймать его такой ерундой? Он мог бы всю ночь бродить по залу совершенно свободно. Жалко только, что никто не станет свидетелем его ловкости.

Наконец Тень переступил через последнюю натянутую над полом нить и нейтрализовал контактную ловушку на подставке двумя серебряными иглами. Готово! Вот она, его гривна. Тяжелая металлическая штукавина на длинной цепочке показалась Тени удивительно домашней и родной. Она пробуждала в душе незнакомое ощущение тепла и безопасности. И странное чувство, будто он забрел сюда по ошибке. Тень, абсолютно равнодушный к физическому комфорту, вдруг захотел оказаться в мягкой кровати и накрыться одеялом с головой.

Ах, какая вещь! Сразу видно — нужная вещь. И ему она нужнее, чем всем прочим.

Тень слишком поздно почувствовал укол беспокойства. У одного из охранников сбилось дыхание. Случайно?

— Есть! — прогремел очень знакомый голос, и сигнал опасности опять запоздал.

Маг! Гадский чародей здесь! Это ловушка!!! Гривна выпала из рук. Нужно было исчезать, немедленно. Тень сосредоточился на темном закоулке, который наметил себе убежищем с самого начала. Одно движение...

И тут вспыхнул свет. Белый, яркий, много ярче, чем солнечный. Тень вскинул руки, пытаясь заслонить глаза, но свет проникал через веки и ладони, бил в зрачки, являл чувствительную кожу. Словно по всей комнате одновременно вспыхнула сотня крошечных солнц. Впервые в жизни Тень закричал.

— Быстрее, аккумулятора надолго не хватит!

Новое заклинание языком обхватило тело вора. Сильная магия, хищная. Она заморозила мышцы, прервала движение, остановила крик.

— Нормально! Теперь не убежит.

Свет иссяк, но зрение было уже не спасти. Тень ничего не видел, он только чувствовал, как лжеохранники движутся по комнате и как

остывают на медных проволоках стеклянные шары. В комнату входили другие люди, останавливались, смотрели на него.

— Гениально, мэтр Ребенген! Как вы догадались?

— Специфический жизненный опыт. Оперативная телепортация, мерцание, действует только при точном совпадении источника и приемника. Например, из тени в тень. На ярком свете эта способность бесполезна. Исключительная чувствительность к магии, а на магию сейчас полагаются абсолютно все, позволяла ему избежать волшебных ловушек, а обостренное зрение и осязание — обычных. Но только таких, чье устройство он мог понять. Я одолжил на время эти экспериментальные бездымные фонари у мэтра Биггена. Оставалось малое — обнаружить его присутствие.

Маг поднял что-то с пола. Гривна...

— Магия Омни, свойственная Разрушителям, подавляет действие любых иллюзий. Свойств этой штуки оказалось достаточно для того, чтобы я смог его слышать.

Тень бессильно застонал. Этот голос... такой знакомый... Почему он звучит так безжалостно? Возлюбленная вещь, она предала его! Все это сон, страшный сон. Кошмар, от которого он вот-вот очнется.

ГЛАВА 4

Сюрприз!

Любимая шутка Смерти

Гости прибыли в Академию на рассвете. Из соображений безопасности, естественно. Я знал, что отец воспользовался гостеприимством ордена магов только из-за меня. Он предпочел бы не вспоминать о своей привилегии Великого Лорда и остановиться в собственной резиденции, расположенной на окраине Гатанги, нарочито на отшибе. Но тогда мы практически не могли бы видаться.

— Сынок! А ты подросток за этот год. Собираешься побить семейный рекорд?

В свои семнадцать я был почти одного с ним роста, не хватало всего лишь дюйма, и я смогу смотреть ему глаза в глаза. Отец был живой насмешкой над теми, кто лепетал о возвышенности и одухотворенности носителей древней крови. Достаточно сказать, что во время одного неприятного инцидента в недавнем прошлом он лично удавил троих Стражей. Да, все Великие Лорды Арконата — потомки воинов, помогавших объединить наше королевство под властью единого короля, проводники безжалостной воли, положившей конец Эпохе Хаоса. Даже сейчас поддержание порядка в Арконате мало напоминает торжество духа, особенно в Шоканге. Слишком уж свежа память о безумии и безвластии, сильны страхи и велики искушения. На всех ныне

живущих лежала тень самоубийства, последствие какой-то безумной магической войны, стершей с лица земли прежнюю человеческую цивилизацию и сделавшей новую штукой болезненно-неустойчивой. Среди нынешних людей живут странные поверья типа культа Черепов, все так и норовят принести друг друга в жертву, а то и демонам скормить. Арконат был одной из немногих стран, где можно было засыпать, не опасаясь, что проснешься в объятиях зомби. Не все этоценили, и не многие готовы были поступиться хоть чем-то ради безопасности других.

Я знал, что подданные не испытывают любви к моему отцу. Он бывал крут, а дед вообще был настоящим зверем. Я рад, что не застал его. Раньше правителям удавалось править более мягко (про это писали в книгах), но сейчас гуманность прежних эпох значилась в разряде сказок. Изучая драгоценные свидетельства прошлого, собранные в библиотеке Академии, я не мог окончательно избавиться от чувства нереальности.

— Здравствуйте, сэр. — Я сдержанно поклонился и попытался изобразить улыбку.

— Что не в порядке? — От отца невозможно было что-то скрыть.

Я болезненно поморщился:

— Плохо спал.

Плохо — это не то слово. Последние два дня я совершенно не мог уснуть. Под утро у меня болела голова, глаза, живот, и вообще было такое впечатление, что меня всю ночь били. Хорошо хоть тренировки во время праздников были делом сугубо добровольным.

— Погодная магия, — констатировал отец. — Я всегда говорил, что эти штучки опасны для здоровья.

— Разговор о магии? — пропел знакомый голос, и меня передернуло.

— С добрым утром, мэтр Ребенген, — кивнул отец. — Говорят, вас можно поздравить с очередным успехом?

— Да, — не стал скромничать маг, — закономерное торжество мощи ордена магов, предьявленное массам в самом непосредственном виде.

От его самодовольного тона меня корбило. Только повышенной раздражительности в праздник мне и не хватало. Позавтракаю, лягу и попробую заснуть днем.

— Что-то случилось? — Возможно, они накрыли святилище Черепов.

Мастер Ребенген сочувственно покосился на меня — я, как всегда, был не в курсе свежих сплетен.

— Пойман вор. Гнусно прославленный мошенник по кличке Тень Магистра. — И уже отцу: — Вы будете присутствовать?

— Да, мы будем присутствовать.

— Где? — поинтересовался я, когда спина Ребенгена скрылась из виду.

— На казни, — пояснил отец. — Мероприятие из разряда «обяза-

тельно к посещению». Этот мелкий жулик успел крепко насолить столичному бомонду.

Повелитель Шоканги довольно хохотнул, подчеркивая, что в его землях такого не могло произойти в принципе.

— И что с ним будет?

— Его сожгут.

Меня затошнило. Вообще-то дома папа устраивал и не такое, но мне, по крайней мере, не приходилось при этом присутствовать. Он заметил мою реакцию.

— Привыкай! Тебе надо учиться демонстрировать твердость, в Шоканге нынче беспокойно, — он улыбнулся и сгреб меня за плечи, — а я собираюсь взять тебя домой.

— Домой! — Я мигом позабыл о тошноте, бессоннице и головной боли. За шесть лет я ни разу не покидал Академию.

— Я договорился с директором, он отпустит тебя на летние каникулы пораньше, оставшиеся зачеты досдашь осенью.

Это означало, что отец разрешил нашу маленькую неприятность. Колдун, создавший тварь, едва не лишившую меня глаза, был найден и сожжен давным-давно. Значит, отцовская охранка вышла на заказчика, и кто-то умер. Теперь мое перемещение по стране считалось делом безопасным. Это стоило пары неприятных минут, проведенных в наблюдении за тем, как готовят барбекю. В конце концов, что мне этот вор? Тьфу на него!

Завтракать я не стал вообще, чтобы не рисковать. Выпил стакан воды с настойкой валерианы и умылся холодной водой. Надев мундир наследника, пошитый к зимнему балу, я обнаружил, что едва могу дышать — у быстрого роста есть свои минусы. Ну да ничего, на два часа меня хватит!

Я всегда был склонен переоценивать свои силы.

Площадь Смирения, традиционное место публичных казней, была забита народом до предела. Волновалось пестрое море горожан, сверкали золотом парадные мундиры городской стражи, в мантиях говор привычный темно-фиолетовый цвет сильно разбавили ослепительно-белые вставки. Солнце жарило совсем пол-летнему, стоял невыносимый шум. Балкон, на который пускали только избранных гостей, слегка обвевал ветерок, но мне это ничуть не помогало. Я постарался дышать глубоко и ровно, как учили наставники. В тесном камзоле и узких брюках это было нелегко.

— Это была моя идея, — доложил мастер Ребенген, и мне захотелось удавить его насмерть. — Позднее я расскажу, чем руководствовался.

Опустилась занавесь, скрывавшая деятельность палачей, и стал виден помост, приготовленный для казни. Картинно выложенные поленицы дров и два столба с прикованным к ним человеком. Гнусный преступник оказался совсем крошечным, как мальчишка. Огромные

глаза ночного зверя беспомощно моргали. Я сразу понял, что бедняга ослеп от солнца. Браслеты цепей разорвали ему кожу, и запястья окрасились алым. Как можно так обращаться с человеком? Предметы перед моими глазами утратили резкость.

Я медленно поднес ко рту бокал с морсом и сделал два глотка. Спокойно! Осталось минут пятнадцать, я продержусь. Наследник Лорда Шоканги, падающий в обморок, подорвет репутацию всей семьи. Отец убедится в том, что воспитание в Академии меня испортило, случайные свидетели будут вежливо улыбаться при встрече. Позор, который я не смою до конца дней.

Сосредоточиться! Я встал так, чтобы массивная фигура отца загромождала меня от любопытных, и приготовился зажмуриться. Четыре палача с факелами подошли к дровам и подпалили их, толпа подавалась назад. Я постарался принять непринужденную позу и положил руку на парапет, для верности. Поднес бокал к губам. Костер начал разгораться. Теперь — закрыть глаза.

Наверное, это было ошибкой. Я вдруг услышал шум толпы не впереди, а *вокруг* себя. В нос лез запах горящего масла. Привидится же такое... Пламя вспыхнуло и загудело. Невыносимая боль полоснула мой бок, горячий воздух заполнил легкие. Что со мной?! Таковую боль я испытал лишь раз, когда едва не лишился глаза. Паника накатила волной, парализовала рассудок. Мне захотелось сжаться и замереть, стать маленьким, как тогда, чтобы не нашли. Я судорожно вдохнул... Боль отступила так же внезапно, как началась. У меня щипало в боку, зудели запястья, глаза, задница, но тошнота прошла. Слава богу! Я открыл глаза и понял, почему мой вздох остался незамеченным: на площади пылал костер, в языках пламени покачивались цепи и браслеты... пустые.

Морс стекал по руке — в беспамьятстве я раздавил бокал.

— Я так и знал! — Знакомый голос звенел от торжества.

«Маг! Ублюдок, скотина!»

Мой наставник, которого я должен чтить и уважать. Я быстро допил морс, не забываясь, что осколки стекла могут попасть в горло. Да что же такое со мной сегодня?

— Это был не человек, — пояснил Ребенген взволнованному обществу, — а фьюлья, видимое проявление самотворящегося заклятия. Я сразу заметил нить, привязывающую тварь к создателю, и стоял на публичной казни, чтобы быть уверенным — колдун будет здесь. Действие огня нельзя блокировать, повреждения, полученные фьюльей, переносятся на ее господина. Таким образом, моим помощникам остается только найти человека с сильным ожогом. Мне не терпится с ним поболтать...

Улыбка мага выглядела пугающе. Происходящее резко перестало мне нравиться.

— Что у тебя с рукой, Гэбриэл?

Я разжал ладонь, и бокал распался на тысячу осколков, кровь хлынула потоком. Я смущенно пожал плечами:

— От неожиданности...

Отец раздраженно тряхнул головой:

— Предупреждать надо, Ребенген! Твои фокусы слишком дорого обходятся моей семье.

Чародей засуетился:

— Сейчас я все исправлю.

Он схватил меня за руку прежде, чем я успел ее отдернуть.

«Не подпускай его!!!»

«Заткнись!»

— Раз, два... Готово!

Он умудрился не только закрыть рану, но и очистить от пятен рукав, пощипывание в боку тоже исчезло. Я пару раз сжал ладонь и криво улыбнулся.

— Клево! — И чуть не прикусил язык, выплевывающий наружу не мои слова.

К счастью, никто не обратил на меня внимания.

— Мэтр Ребенген, вы хотите сказать, что в Арконате совершено запретное колдовство?

— Оно самое, господа, оно самое. Однако могу вас заверить, что орден магов отнесется к происходящему очень серьезно. Мерзавец будет найден!

Испытываемая мною странность резко усилилась.

«Вот песий сын! Упрямый, как глиста...»

Смысл происходящего медленно достигал моего сознания. Я... проглотил демона!

«Молчи, придурок! Они сожгут нас обоих!»

«Но я же не колдун!»

«А им не пофиг?»

«У меня есть отец, он защитит меня...»

«Уверен, да?»

Колдунов отец не любил, это точно. Но я... почувствовал боль еще до того, как дух исчез. Два дня назад...

«...меня накрыли».

«Нет, не меня!»

«Пофиг».

«Я не колдун, я вообще не умею ворожить».

«Только не проболтайся...»

Взволнованные зрители потянулись к выходу с балкона. Отец кивнул мне и пошел вперед. Он ничего не заметил. В кои-то веки мое лицо приняло именно то выражение, какое нужно.

Я вернулся в свою комнату в общежитии Академии и с наслаждением скинул б... в смысле, слишком тесный костюм. Пришло время проанализировать свои впечатления. Я не ощущал в себе вторжения

чужой воли, каких-то странностей, кроме пристрастия к сквернословии. Мне следовало бы испугаться, но вместо этого я чувствовал облегчение, словно избавился от какой-то тяжелой обязанности, о которой даже не догадывался. Как там звали этого висельника? «Эй, Тень Магистра!»

Он молчал с минуту, потом снизошел:

«Жрать хочу...»

Да, я голоден, но до обеда осталось всего полчаса, лучше просто подождать. Еду можно было стибрить... На мгновение мой взгляд сместился, и я увидел мир совершенно по-другому. В комнате Дага Пилгмана наверняка припрятаны харчи... Стоп. Я сурово вернул себя к реальности. В моем положении лучше не поднимать шумер. Тьфу! В смысле, привлекать к себе внимание — неразумно. Магическая община и без того будет... э-э-э... вести себя нервно.

Мой правый бок покраснел. Я натер его мазью от ссадин и снова оделся. Свободный костюм на вырост — я собирался использовать его летом. Как хорошо, что в праздники ношение формы не является обязательным! Тень Магистра прав. Жители Арконата слишком нервно относятся к упоминанию о запретном колдовстве. Сотворение чудовищ жестоко преследуется по всему миру — Эпоха Хаоса и так наплодила слишком много монстров. Если страх возобладает над отцовским влиянием, меня сожгут, не выясняя обстоятельств. Хотя я — ни в чем не виноват!

ГЛАВА 5

Первым шагом мага, желающего утвердиться на стезе Новых Знаний, является избавление от представлений о норме и очевидности.

Из «Наставлений молодым магам»

Следующие три дня прошли без осложнений. Присутствие демона не беспокоило меня. Тень Магистра был счастлив. Он жрал (не побоюсь этого слова) за двоих. Любая, даже самая надоевшая, еда в ученической столовой вызывала у меня бурный восторг и обильное слюноотделение, словно я ел в первый раз в жизни. Особенно хорошо шли маленькие оладышки. Раньше я ни разу не догадался, что их можно мазать не только вареньем, но и соусом, хреном, горчицей, а также перекладывать сыром и ветчиной. Эффект получался волнительный.

Меня одолевало смутное ощущение, что мир вокруг наполнился людьми, или, что вернее, они стали увереннее проникать в сферу моего внимания. Если я правильно помнил, раньше до меня с трудом доходило, что все вокруг чем-то заняты. Чем-то своим, и временами довольно интересным. Например, Сафар Дарсаньи, третий сын Велико-

го Лорда Дарсании. Во мне крепла уверенность, что он меня никогда не любил. Обидно.

— Могучий Гэбриэл ужасно занят. — Он убедительно изобразил похрюкивание.

Обычно в таких ситуациях я разворачивался и уходил — попытка ответить достойно превращала меня в посмешище. Но сейчас рядом с Сафаром находилась Анита Хариган, в чудесном летнем платье под цвет формы Академии... Неужели я не смогу поставить наглеца на место?

— Репетируешь басню «Свинья и Соловей»? Весьма романтично.

От волнения мое сердце пропустило удар. Анита замечательно поет, она, конечно, догадается, кого я назвал соловьем... Поняла! Улыбнулась! Сафар нахмурился, положив руку на пояс с пряжкой, изображавшей фамильный герб — атакующего вепря.

— Ты что это, острить надумал?

«Ты»? А вот это уже неприкрытое хамство, которое позволяло мне использовать другие средства...

— Ты это кому, сынок? — Я внимательно посмотрел на него сверху вниз.

И он заткнулся, потому что вые... в смысле, хамить человеку, на голову выше тебя ростом, нелегко. Я улыбнулся Аните и получил ответную улыбку, щечки ее порозовели. Мило. Я добродушно потрещал Сафара по плечу и оставил его оху... в смысле, приходиться в себя в одиночестве.

Вах! Это просто праздник какой-то. Я пошутил — удачно пошутил! — в присутствии Аниты. И выставил Сафара полным дураком. Он будет зол, а мне по... без разницы. Главное только не материться при посторонних.

Вернувшись в свою комнату, я долго вертелся перед зеркалом. Конечно, этот жуткий шрам на морде... Ладно, пусть будет морда. Но некоторым женщинам нравятся мужчины со шрамами! Это придает мне мужественности и взрослости. Глаза разного цвета, один — совершенно желтый. Если улыбнуться и посмотреть из-под бровей, в моем облике появляется определенное очарование. Волнующая дикость. Да я красавчик! Только светлые волосы ежиком мне не идут — я становлюсь похожим на дешевого наемника. Надо отпустить их на три пальца, чтобы пряди закрывали уши. Уши у меня неприлично розовые и торчат. Все бабы мои будут. В смысле... Нет, точно — мои.

За три дня я ни разу не навестил библиотеку, плац и вообще не думал о занятиях. Наверное, изменения в поведении становились заметны со стороны. Но, к счастью для меня, им находилось простое объяснение.

— Я слышал, ты уезжаешь от нас, Гэбриэл? — улыбнулся мастер Чомпен.

Я расплылся в довольной улыбке:

— Домой, на лето, сэр.

— Я рад за тебя. Надеюсь, пребывание в Академии не было для тебя слишком... тягостным.

Чуть позже я сообразил: он думает, что я так счастлив потому, что могу наконец слинять. Это было конечно же неверно. Зато — полезно. Надо будет его незаметно подбодрить.

Огорчало одно — магия ко мне так и не пришла. Я честно пытался выполнить хотя бы одно из тех упражнений, которые давали начинающим для выяснения уровня их способностей. Никакого эффекта. И после этого мне будут говорить, что я повинен в самотворящемся заклятии? Ха! Все мы знаем, какой надо иметь уровень, чтобы проделать подобное в одиночку.

Отец пропадал в королевском замке, куда отправлялся с помощью пентаграммы ежедневно, с раннего утра. Вроде бы его там судили, типа как. У меня возникло ощущение, что король пытается пристыдить отца за резкость. Ясен пень, решение проблемы покушения возможно было лишь путем поголовного истребления всех замешанных в нем. Влиятельные люди были в ярости, потеряв близких. Отцу чужие чувства были... до фонаря. Единственным, кому он не рискнул бы бросить вызов, был король — за королем стоял Арконийский орден магов. Должно быть, то давнее приключение многому отцу научило. Интересно, что было бы, если бы маги действительно хотели его убить?

Я склонялся к глубокомысленному выводу, что орден магов был той силой, которая не давала страстям разорвать наше бедное королевство в клочья. И достигали они этого путем терпеливой дрессировки молодняка. Злиться на тех, кому обязан жизнью, было стыдно и нехорошо. Даже на мастера Ребенгена. Естественно, он не имел ничего против меня лично, но в памяти (теперь — моей) назойливо всплывали две жуткие ночи, расплывчатые силуэты в мерцании факелов, безжалостный голос, удары кнута и магии. Ребенген сделал все, чтобы узнать имя колдуна. В его присутствии меня всякий раз пробирала дрожь.

Уверен, блистательные чародеи сейчас готовы... в смысле... мышам приходится несладко. Какое счастье, что я уеду отсюда через пару дней! Пока я буду оттягиваться в полный рост, страсти немного успокоятся.

Неделя потребовалась отцу, чтобы освободиться от «дел». Судя по всему, слухи об обстоятельствах его «деятельности» расползались по Академии. Мне, естественно, подробности не рассказывали, но Тень услужливо объяснил, с какими именно событиями обычно ассоциируется имя Лорда Шоканги. Неужели отцу удалось придумать что-то новое? Даже некоторые наставники опускали глаза, заметив черно-красный плащ с силуэтом стилизованного дракончика. Во мне закипала клановая гордость. Почему на Ребенгена так не смотрят?

Неужели они считают, что мой папа настолько хуже? Мы отбыли раньше, чем я смог сам себя напугать.

Лорд Шоканги уезжал так же, как и приезжал — ранним утром. По еще пустым улицам грохотала кавалькада в черно-красных доспехах, и я не мог отрицать, что смотрится это нарочито угрожающе. Разница была только в том, что теперь Лордов было два. Интересно, такое обстоятельство радовало зрителей или пугало? Отец умудрился проехать все пять застав Гатанги, ни разу не будучи остановленным. Вот это я понимаю — стиль. Вырвавшись за пределы города, колонна замедлила движение. Отец позволил себе расслабиться и поднять забрало шлема.

— Как ощущения, сын?

Скачка в доспехах, табуном, по улицам — это вам не выездка на манеже. С другой стороны, я оказался за стенами Академии в первый раз за шесть лет. Я ведь хотел острых ощущений?

— Нормально! А почему на юг?

Кратчайшая дорога в Шокангу начиналась через восточные ворота.

— Нанесем визит в аббатство Хемлена, поклонимся святыням. — Таким тоном наставник Джибзи сообщал классу о внеочередном занятии. — Настоятель Браммис всерьез озабочен спасением моей души.

Я воспользовался едва заметным волнением лошади как поводом замять разговор. Насколько я помнил, преподобный Браммис и мой отец всегда были на ножах. Браммис был против того, чтобы отец женился на моей матери (беженке из Лосальти). Отец женился. Браммис был против того, чтобы признать меня (арконийца только наполовину) наследником Шоканги. Отец признал. Браммис был против того, чтобы мою мать-язычницу хоронили в пределах кладбища. Отец решил вопрос в своем стиле: поставил настоятеля храма перед выбором — похороны или смерть. Старичок-настоятель не готов был стать мучеником за веру. Если я не ошибаюсь, Браммис публично требовал, чтобы отец покаялся и оставил путь греха. Что ж, у него будет шанс принять исповедь Драконьего Лорда. Надеюсь, нервы у него крепкие.

Сначала я боялся говорить с отцом слишком много. Вдруг он заметит перемены? Врать ему в лицо я не буду и не могу, в какой бы ужас ни приводила Тень Магистра перспектива раскрытия нашей тайны. Однако он ни о чем особенном не спрашивал, потихоньку я расслабился и начал наслаждаться путешествием. Было интересно сравнивать свои впечатления с впечатлениями Тени. Вор-призрак город никогда не покидал и представлял себе сельскую местность как-то иначе (наверное, как большой городской парк, с травкой и деревьями). Бывалому же человеку вид Арконата говорил о многом. Вся земля (за исключением утопанной дороги) была покрыта густым ковром бурых колючек, с пенным налетом молодой зелени и крохотных белых цветочков. Приятный, однотонный цвет, без пропле-

шин и поухлости — значит, в почве не таится никаких проклятий. Пашни распаханы не жалкими клочками, а шикарными лоскутными одеялами — желающих пахать здесь много, и они не боятся далеко уходить от жилья. Крохотные деревушки не теснятся на возвышенностях, а рыхло растягиваются вдоль дороги по два, а то и три десятка домов. Не в каждой деревне есть убежище, а ведь было время, когда строить жилье дальше чем в часе пути от защищенных магией стен было запрещено законом. Я уже не говорю про одиночно стоящий у реки дом — подобное можно встретить только в Арконате. Жителя Лосальти бросило бы в жар при одной мысли о близости глубокой воды. Короче, безопасный и благополучный край, почти рай земной. Словно бы и не было Эпохи Хаоса.

Мы ехали без опаски, быстрой рысью. На ночь кавалькада оставалась где придется — то в разбитых передовым отрядом шатрах, то в придорожной деревне. За шесть лет я привык просыпаться в своей постели ровно в полседьмого. Всегда, даже в праздники, мой день имел четкое, заранее известное расписание. Я ел, спал и изучал науки, прислушиваясь к мелодичному звону часов на Башне Магов. И всегда, даже в самой шумной толпе, я оставался один.

Но этой весной мир встал на уши.

Меня несло неизвестно куда в непредсказуемом темпе отцовского путешествия. Размеренность быта осталась позади, в Академии, вместе с ее уроками и учителями. Но главное — теперь я ни на минуту не оставался один. Тень Магистра нашел себе идеального партнера и убежище в одном лице. Он с удовольствием делился со мной историями своей жизни, требовал объяснений увиденному в пути, комментировал происходящее. У него тоже никогда не было друзей. Его странный вид и маленький рост порождали презрение и насмешки, а городские уголовники — народ жестокий. Единственной отрадой его жизни была коллекция наворованных редкостей, теперь доставшаяся ордену магов. Горе Тени было велико, но не безутешно. Он сумел закончить свою карьеру блистательно, не так, как большинство людей его профессии (с ножом в спине или веревкой на шее). Он натянул нос чародеям, и теперь ему не приходилось опасаться возмездия или беспокоиться о будущем.

Беспокоиться о нашем общем будущем должен был я.

Разговаривать с попутчиками во время скачки было почти невозможно, и ничто не мешало Тени целыми днями травить анекдоты. Не повторяясь. Я опасался, что в конце пути меня сочтут либо немым, либо идиотом.

За неделю я совершенно отвлекся от дороги и не мог в точности сказать, где мы находимся, пока отряд не замедлил движение. Пришлось спешно выталкивать Тень из головы.

— Ну что ж, сын, к закату мы будем в Саркантане.

Саркантан был крупным городом на границе королевских земель

и Шоканги, формально вольным. Что означало — события в нем равно привлекают внимание короля, моего отца, ордена магов и всех их врагов вместе, а также и по отдельности. Должно быть, жилось горожанам весело.

— Ты слишком долго жил в стенах Академии — видит Бог, не по моей воле, — и для тебя, возможно, реальность за ее пределами станет серьезным испытанием.

Ох, папа, кому из нас ты это говоришь? Тень Магистра приготовилась с интересом слушать, чем особенным, по мнению Лорда Шоканги, отличается реальность.

— Некоторые люди, — было видно, что отец тщательно подбирает слова, — они не испытывают уважения к власти. Они могут быть непочтительными, даже зная, что перед ними человек много выше их по положению. Находятся и такие, у которых богатые одежды и символы власти не вызывают ничего, кроме ненависти и зависти.

«Это он типа про то, что здесь тебя пристукнут и обчистят, как тихую монашку».

«Заткнись!»

— Ты не должен никуда уходить без охраны. — Отец перешел к более привычным для него материям. — Сержант Кетс и двое его подчиненных будут обеспечивать твою безопасность.

— Я все понял, сэр. Если я буду слушаться во всем сержанта Кетса, мне будет позволено осмотреть город?

— Да, конечно! — Отцу понравилась моя понятливость. — Мы задержимся здесь на день-два. Нужно дать отдых лошадям и уладить кое-какие формальности.

У Лордов Шоканги не было своей резиденции в Саркантане — прежний король отнял ее у деда за какую-то гнусную выходку (формально все земли вокруг города были королевскими). В представительстве ордена магов отец остановился бы только в случае войны, а ни один другой Лорд (Великий или Малый) не решился бы впустить его к себе в дом. Возникла комичная ситуация: один из могущественнейших дворян Арконата вынужден был ночевать в гостинице. И что самое пикантное: вести себя *тихо*, потому что в противном случае в следующий раз ему пришлось бы ночевать в *шатре*. Надо ли говорить, что бывать в Саркантане отец не любил? Поехать этой дорогой он мог только ради выполнения какого-то поручения — королевское снисхождение имело свою цену.

Поразмыслив, я понял, что, если ничего не предприму, Саркантан останется для меня лишь точкой на карте. У меня есть всего несколько часов, чтобы получить хоть какое-то представление об этом месте. Конечно, обойти весь город за один день я не смогу. Да что там, я даже не знаю, что здесь самое интересное.

«Так пойдём щас оглядимся! На фиг ночь-то терять?!»

Я прямо-таки видел, как Тень потирает в предвкушении кражи свои потные ладошки.

«Забудь об этом».

«А почему нет?»

«Потому, что я не ты. Потому, что меня узнают, поймают и будут всю оставшуюся жизнь этим тыкать!»

«Чем тыкать? Ты ж как ангелочек, токма без крылышков».

Почему-то это замечание меня задело.

«Я — не вор! И никогда им не буду!»

«Не с...! Провырнемся туда-сюда, и всего делов. Позырим, что да как».

«Все равно ночью ничего не разглядишь».

«А то днем ты разглядишь! С этим Кисой...»

«Кетсом!»

«Пофиг».

Тень был, очевидно, прав. Сержант не будет устраивать мне долгих экскурсий. Площадь, церковь, в лучшем случае удастся затащить его в кабак. Я никогда не был в настоящем кабаке. Впечатления Тени о таких местах были в основном приятные.

Естественно, в мундире Лорда в такое место не пойдешь.

«Не дури. Дорожные штаны ты прачкам еще не отдал, куртку тоже. Пряжки золоченые с сапог свинтишь, а вместо пояса кушак шелковый возьмешь, ну или портянку. Куртку наденешь прямо на нижнюю рубаху. В темноте никто не разберется!»

Идея этой сумасшедшей авантюры завладела мною. Я понимал, что это дурь. Если отец узнает, он не то что прибьет, хуже — перестанет меня уважать. Я до конца дней останусь для него маленьким испорченным мальчиком. Но... удастся ли мне когда-нибудь увидеть город так, как видел его Тень? С высоты крыш, из темноты улиц, ночью. Мой личный демон фырчал и хихикал, наблюдая мои колебания. В конце концов все решил случай: отец послал сказать, что не будет к ужину — у него в городе дела. Это добавляло мне два-три часа свободного времени. Искушение стало необоримым. Я объявил всем, что устал, и приказал не беспокоить меня до утра, запер дверь, забаррикадировал ее креслом, дотошно выполнил все указания, данные Тенью, и вылез в окно.

Никаких особых мер защиты на крыше не было — хозяин гостиницы сэкономил на услугах мага. Передо мной открылись простор и небо, где-то внизу ходили и разговаривали люди, а наверху пахло дымом и посвистывал ветер. Удивительное чувство раздвоенности мира, до этого знакомое только Тени, охватило и меня. В этом определенно было что-то волшебное.

«Круто?»

Я не ответил, но он и так все понимал.

Путешествие по крышам оказалось не таким уж простым делом.

Старая черепица крошилась и ломалась, ноги соскальзывали на крутом уклоне, прогнившие деревяшки угрожающе трещали. Меня попеременно бросало в жар и озноб то от риска сорваться вниз, то от перспективы быть обнаруженным в такое время в таком месте. Еще неизвестно, что лучше. Моя выдержка иссякла, и я потребовал спускаться.

Тень отнесся к моей слабости снисходительно.

«На первый раз нормально. Давай вон туда, где поуже. И не хватйся за водосток — е... на фиг».

Я сдерживал нетерпение, старательно выбирая улочку потемнее. Мне хотелось совершить спуск не торопясь и без свидетелей. Коснувшись ногами мостовой, я почувствовал себя древним первопроходцем, не то вернувшимся в родную землю, не то только что покинувшим ее. Переулок был узкий, и в нем порядком воняло. Такое впечатление, что жители использовали его как отхожее место.

«Это еще не вонь», — авторитетно заметил Тень.

«Утешил».

«Тихо! Кто-то идет. Ховайся под балкон».

Это место было освещено еще хуже, чем весь остальной переулок. Следуя какому-то древнему инстинкту, требующему от меня не быть обнаруженным, я забрался в темноту. Скоро шаги стали слышны. Быстрый топоток приближался ко мне, и я вжался в стену, почти слившись с ней. Допустим, растворяться в тени без остатка я не умел, но и моих скромных возможностей хватило, чтобы закутанная в плащ фигурка проскочила мимо меня. Девушка. Должно быть, она слишком торопилась и была слишком напугана, чтобы смотреть по сторонам. Весьма опрометчиво! Я не успел довести мысль до конца.

Стоило девушке выйти из переулка, как ее окружили три высокие фигуры. Настроены они были недружелюбно.

— Куда спешишь, красавица, что несешь?

Девушка взвизгнула и попыталась удрать обратно в переулок. Поздно. Один из троих схватил ее за локоть и грубо притянул к себе.

— Не так быстро!

«Хана девке».

«Да ладно, обойдется».

«Чего обойдется, дурень? Я говорю — хана!»

Девушка приглушенно вскрикнула — кто-то из нападавших зажал ей рот рукой. Ее голос подействовал на меня странно. Я почувствовал, что ненавижу этих троих, как никого на этом свете, словно они были воплощенное зло. Хотя вообще-то мне несвойственны сильные эмоции.

«Че замер, баран? Сделай что-нибудь!»

У меня было смутное подозрение, что Тень, оказавшись в большом и сильном теле, очень хочет почесать кулаки. Драться-то не ему. Должно быть, он всегда мечтал быть большим и страшным, а не про-

сто страшненьким. В отличие от него я имел некоторый опыт и понимал, что трое мужиков могут крепко вломить мне, если не прирезать.

«Учти, засранец, тебе тоже будет больно!»

«Врежь им!»

Девушка придушенно верещала. Как же тут устоять? Ну я и врехал...

Уложить их оказалось неожиданно легко. Я впервые оценил по достоинству выучку моих противников-Стражей и то преимущество, которое дают мне над обычным человеком моя сила и рост. Как эти ребята умудрились попасть в грабители, осталось непонятным — в сравнении с ними я был как бог войны. Они совершенно не умели держать удар, не владели элементарной защитой, а про их реакцию лучше вообще не говорить. Разбойничать им было до первой драки, не дольше. Им просто повезло, что они нарвались на меня. Игнорируя тревожные вздохи Тени, я проверил у каждого пульс. Жить будут. Ну какое-то время...

— Они мертвы? — с надеждой окликнула меня незнакомка.

Откуда в женщинах столько агрессии? В Академии принципиально отказываются обучать воспитанниц фехтованию и борьбе, дабы не поощрять бессмысленную жестокость. В этом вопросе Тень был полностью солидарен с моими наставниками.

— Нет. Но до утра их можно считать технически мертвыми. — Я попытался улыбнуться. — А с вами все в порядке...

«Только не называй ее леди!»

— ...мисс?

— О да! Я вам так благодарна, мистер, так благодарна! Вы меня просто спасли! Вас не поранили?

— Они не настолько хороши, мисс. Я думаю, мне стоит проводить вас до дома. Где вы живете?

«Вот это зря! На фиг тебе эта коза?»

«Она двух улиц не пройдет в одиночку. Стоило ли драться, чтобы тут же отправить ее на убой?»

Девушка немного поколебалась:

— Тут недалеко, у реки. Право же, не знаю...

Квартал у реки не мог быть благополучным по определению. Это вынудило меня быть настойчивее:

— Только до дверей, и я тут же уйду.

Она согласно кивнула. Мне показалось, мое предложение вызвало у нее громадное облегчение. Немудрено. Я не понимал, что могло вынудить девушку выйти на улицу в такой час. Она отчаянно старалась не спешить, но, даже если бы она бежала бегом, я все равно успел бы за ней шагом. Мне надо было привыкать к тому, что большинство моих сограждан (простых сограждан) больше похожи на мэтра Ребенгена, чем на моего отца. То есть все девушки, с которыми мне уда-

стся познакомиться, будут едва доставать мне до плеча. Может ли это вызвать сложности в общении?

«Дурень! С бабами рост без разницы...»

Я был избавлен от выслушивания очередной пошлости — мы пришли. Около запертой двери какой-то лавки девушка остановилась и повернулась ко мне. Я приготовился вежливо распрощаться, но нас грубо прервали. Казавшаяся плотно закрытой дверь внезапно распахнулась.

— Нет, Чезер! Это друг! Он спас мне жизнь.

Парень, возникший в проеме двери, показался мне гораздо опаснее давешней троицы: быстрый, жилистый, с неприятным, колючим взглядом — вылитый убийца. Но и ему потребовалось время, чтобы посмотреть мне в глаза, — его взгляд упирался мне в подбородок. Даже с учетом ступенек. Думаю, это остановило его вернее, чем вопли девицы.

«Ну ты влип, приятель...»

«Мы влипли!»

— Зина? Что ты здесь делаешь, деточка?! В такой час!

За спиной охранника показался хозяин лавки, в ночном колпаке, халате и шлепанцах.

— Дядя Пэй, мама послала меня передать вам кое-что, срочно, а этот человек спас меня от грабителей.

— Входите же, входите быстрее!

Я зашел в дверь следом за девицей. Во-первых, мне не хотелось драться дважды за полчаса, во-вторых, охранник казался мне слишком серьезным противником. И, наконец, мне не улыбалось получить кинжал между лопаток (если Тени придет в голову пытаться сбежать).

Девица с дядей удалились в заднюю комнату, оттуда послышались приглушенные голоса — что-то бурно обсуждали. Я остался вместе с жилистым убийцей. Этот тип начинал мне активно не нравиться. Тень тем временем прислушивался к разговору. Как он умудряется сохранять свой слух, находясь в моем теле?

«Слышь, а Драконисами случайно не вас кличут?»

«Эту дурацкую кличку заслужил мой дед. Не смей повторять ее при мне!»

«Короче, они там шуршат про вас и про какую-то взятку».

«Интересно, что нужно лавочнику от Великих Лордов?»

«Валим!»

«Не выйдет, надо подождать».

«Чего ж дать? Удавки на шею? Это же черепушники!»

«Череп?»

«Ну точно. Я того хмыря в храме видел, в Гатанге. Он у них типа жреца».

«У, дерьмо...»

«Ага, ага».

Я сделал морду проще и повернулся к охраннику боком. Он не сводил с меня холодных, настороженных глаз. Я постарался выглядеть как можно беззаботнее. Может, стоит его заболтать?

— Ну что, мужик, жизнь удалась?

Он настороженно сощурился. В принципе, учитывая тесные размеры помещения, я успею его прижать прежде, чем он схватится за нож. Он просто не осознает до конца длины моих рук. Дверь за моей спиной распахнулась.

— Все в порядке? — поинтересовался хозяин лавки.

Я повернулся к жрецу, стараясь держать в поле зрения зеркало, висящее над конторкой. Если охранник приблизится ко мне со спины, я успею его засечь. У жреца в руке было зажато что-то слишком маленькое, чтобы быть оружием, но от этого не менее угрожающее.

— Да все в ажуре, дядя! Ну я пошел. Дела!

— Возможно, мне удастся уговорить вас остаться.

Из его кулака выскользнул и закачался на серебряной цепочке маленький амулет. Я мысленно вздохнул и изобразил сонное оцепенение. Одним из немногих положительных следствий моей неспособности к магии было то, что на меня действовали заклятия, только начиная с третьего уровня (ну это типа фаерболы или молнии в глаз). Попытки гипноза и наведения иллюзий вызывали у меня в крайнем случае раздражение и головную боль. У жреца не было шансов.

— Ты останешься с нами, — проникновенно шептал он.

— Останусь... — покорно повторял я.

— Ей нужна твоя помощь. Помогая мне, ты поможешь ей.

— Помогу ей...

Боже, какая глупость! Не знаю, каков этот жрец в других искусствах, но гипнотизер из него был посредственный. Он щелкнул пальцами, призывая меня очнуться, и я послушно захлопал глазами.

— Я думаю, вам стоит остаться здесь. Нам пригодится такой крепкий молодой человек, как вы.

Я энергично закивал:

— Да-да, я останусь здесь! Я хочу помогать вам.

Он улыбнулся и ушел внутрь лавки, охранник заметно расслабилсь. Похоже, он полностью доверял своему хозяину. Зря, зря.

«Врежь ему!» — не унимался Тень.

«Заткнись, сволочь, из-за тебя мы здесь!»

«Хочешь сказать, что сам бы не стал помогать ей?»

«Может, и стал бы... Короче, заткнись».

Из двери выпорхнула Зина, без плаща, в тоненьком шерстяном платье. Под ее сердитым взглядом Чезер фыркнул и отправился следом за хозяином. Чудненько! Она смущенно взяла меня за руку и попыталась заглянуть в глаза. При ее росте это было нелегко.

— Извини! Я не хотела, чтобы так вышло. Дядя так напуган, что едва не лишился рассудка. Они хотели тебя убить...

«Они» — значит, их здесь больше одного. Неужели святилище? Господи оборони! Перепуганы? Если они узнали, что папа в городе, их можно понять. Папин приезд — это типа нашествия. Но какая девочка! Фигурка даже лучше, чем у Аниты Хариган. А какие глаза! Большие и виноватые. Я решил — сгреб ее в охапку, заглянул в эти огромные, удивленные глаза и широко улыбнулся.

— Для тебя, крошка, что угодно!

И — поцеловал ее. Я в первый раз поцеловал девушку. Убей меня бог, но и она целовалась впервые. Глаза у нее стали еще больше (если такое вообще возможно) и такие... сияющие.

«Канай отседова, козел бодливый!»

Я отодвинул ее к стенке и выскочил в дверь. Против ожидания, Зина не закричала. Это дало мне несколько драгоценных секунд, чтобы пробежать улицу, заскочить в переулочек и буквально взлететь на крышу двухэтажного здания. Там я залег.

«Ты че, сдурел? Ты б ее еще...»

«Молчать! Выгоню».

Тень заткнулся, пытаясь сообразить, как я планирую осуществить свою угрозу. Я лежал и слушал. Теперь начиналось самое опасное: после моей выходки Черепа (если это они) окончательно уверились, что я шпион. Найдут — прибьют на месте.

«Наплюй! Они базарят, что крутые, а на деле щенки позорные. Я у них в Гатанге два раза был, вещи из рук брал. Лохи!»

«А что мне делать с ними? Отцу сказать?»

«И добавить не забудь, как ты вообще здесь оказался, баран».

По улице шлепали осторожные шаги. Пока я в безопасности — даже если им придет в голову забраться наверх, это займет не меньше минуты. Я успею смыться.

«Если они скроются, могут пострадать невинные люди! Что, если они кого-нибудь убьют?»

«Наплюй! Те басни про жертвы придумали глупые горожане. Я два раза у них был — никаких жертв не видел. Прибить могут, да. А ты — нет?»

Я крепко задумался. Тень, конечно, был неправ. Культ Черепов подразумевал жертвы, с помощью жертвоприношений жрецы надеялись умиловить души Темных и уговорить их вернуться на землю. У них было какое-то свое пророчество о Разрушителях, передаваемое изустно. В нем (якобы) говорилось, что для обретения своей Силы Разрушитель должен что-то такое пожертвовать, типа живой души. Вот они и старались про запас. Было время, когда приверженцы культа устраивали настоящие кровавые шабаша, но орден магов это дело прикрутил. Теперь они стали тише. И что мне с ними делать? Одно точно — отец Черепов не любил. Сильно.

А кого он любил, если задуматься?

Ладно, будем решать проблемы по очереди: сначала доберусь до

гостиницы, а потом решу, что делать с Черепами. И я осторожно двинулся вперед, в точности следуя указаниям Тени Магистра. Возвращение затянулось и усложнилось тем, что над Саркантаном начал накрапывать дождь. Я одновременно запарился и замерз, по лицу стекал пот, а озябшие пальцы не гнулись. Все-таки еще не лето — Равноденствие только-только проводили. Оказавшись в номере, я стащил с себя мокрую одежду, наскоро вытерся рубахой и забрался в остывшую постель. Мысли о Черепах у меня даже не возникло.

Проснулся я ближе к полудню, после долгого и подробного сна о студенческой столовой. Я был голоден как зверь, Тень Магистра не переставая нудил о жратве, а где брать ее, было непонятно. Мне ее принесут или я должен за ней идти? В Академии с этим было проще.

В принципе отец устраивал второй завтрак в одиннадцать, так что я имел шанс успеть. Я быстро отыскал на этаже комнату, которую отец занял под кабинет, и вздохнул — завтраком даже не пахло. Повелитель Шоканги с кем-то ругался. Я рискнул постучать и войти. Он приветствовал меня кивком, ни на секунду не переставая распекать собеседника.

— Упустили целую общину Черепов! Голов тридцать, не меньше! — Казалось, такое просто не укладывается у отца в голове. — Похоже, у еретиков охрана поставлена лучше, чем королевский сыск!

Я обернулся, чтобы проследить за его взглядом. В углу комнаты стоял человек с военной выправкой, но в гражданском. Смутно знакомую физиономию украшал здоровенный фингал.

«У, дерьмо...»

«Ага, ага!»

Он меня не узнал. По-моему, такое просто не пришло ему в голову. Или память отшибло после моего удара, так бывает. Идея о том, чтобы рассказывать что-то отцу, отпала сама собой. Может, обойдется? Все равно этих Черепов давно след простыл!

«Лучше молчи...»

— К сожалению, Гэбриэл, твоя прогулка в город отменяется. Попрятавшиеся по щелям фанатики — не лучшая компания для молодого Лорда.

— Да, сэр. — Не очень-то я и хотел. Еда, еда... — Мы будем завтракать, сэр?

— Без меня, сын.

Я вышел в коридор и, поймав первого попавшегося слугу, потребовал принести яичницу с беконом, хлеба и фруктов. Если он не знает, кто я и где живу, это не мои проблемы. Завтрак был получен молниеносно. Жуя пышную кунжутную булку и запивая ее категорически запрещенным в Академии вином, я вспоминал события ночи.

ГЛОССАРИЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Арконат — крупнейшее государство северо-западной оконечности континента. Основано после окончания Эпохи Хаоса выходцами из Зеферида. Простирается от заросших лесом берегов северного моря до южных степей. Самая плодородная, густо заселенная и безопасная из сохранившихся у людей территорий.

Имеет в своем составе королевские земли и четыре провинции:

Дарсания — провинция Арконата, стихия — Земля;

Каверри — провинция Арконата, стихия — Вода;

Россанга — провинция Арконата, стихия — Воздух;

Шоканга — провинция Арконата, стихия — Огонь.

Ганту — крепость, некогда служившая резиденцией Белой Лиги, заселена демонами.

Гатанга — столица королевства Арконат.

Геброс — река в центральной части континента (устаревшее название).

Гирком — океанский порт древности, расположенный на южной оконечности Арконата.

Горная Цитадель (она же Последняя Крепость) — основное поселение Серого Братства.

Зеферида — древнее государство юго-востока континента.

Зинах, Лпана, Банкло, Хемлен, Винке, Пилтонг — города в провинции Шоканги.

Кабрин — древнее государство, конфедерация городов-государств в южной части континента.

Кримна — порт в нижнем течении Эт-Кемаи.

Лосальти — государство, граничащее с юго-восточными землями Арконата.

Обитель Мормы — арконийский форпост в южных землях, контролируется Шокангой.

Россарим — древнее государство восточной части континента.

Роца Парсид — излучина двух рек на территории Феналле, местность, где влияние Пустоши ослаблено.

Скалы Белого Предела — горный массив, отделяющий центральную часть континента от западного побережья.

Стах — государство южнее Лосальти, не имеет общей границы с Арконатом.

Тактес, Румикон, Полые Холмы — города в провинции Дарсания.

Тирсин — государство, граничащее с южными землями Арконата.

Тростег — город в провинции Россанга.

Федерация Истара — древнее государство северо-восточной части континента.

Фелла — древнее государство центральной части континента.

Феналле (оно же Забытое королевство) — уничтоженное Приливом государство, граничащее с южными провинциями Арконата.

Хеусинкай — древнее название части территории Арконата.

Цитадель Инкар — форпост Серого Братства со стороны Пустоши.

Эт-Кемаи — река в Арконате, протекающая через Гатангу.

Янкале — долина гейзеров в юго-восточной части континента (устаревшее название).

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Арконийский орден магов и заклинателей — организация волшебников, ставящая целью поддержание порядка и стабильности в королевстве. Делится на цеха, соответствующие специализации мага:

цех Бытового Волшебства;

цех Новых Знаний;

цех Прорицателей;

цех Целителей.

Белая Лига — крупнейшее объединение волшебников Древнего мира, просуществовавшее две тысячи лет вплоть до начала Эпохи Хаоса.

Великий Лорд — наследный титул правителей провинций Арконата и членов их семей, являющихся потомками Основателей Арконата. Титул в обязательном порядке подтверждается через посвящение стихии соответствующей провинции.

Граница — условная линия между пригодными для жизни землями и Пустошью.

Демоны (самоназвание Немертвые) — высшая форма проявления самотворящегося заклатья, не ограниченная в существовании по времени, при уничтожении восстанавливает себя с эфирной матрицы. Демоны, созданные в качестве оружия незадолго до начала Эпохи Хаоса, именуются также Древними тварями. Все демоны питаются всплесками магической энергии, происходящими при разрушении заклятий или смерти людей.

Королевская Академия Арконата — крупнейшее учебное учреж-

дение Арконата, находящееся под патронажем короля и ордена магов.

Магия Омни, она же **Разрушение**, она же **Тьма** — природная Сила, альтернативная форма существования Хаоса, поддающаяся частичному контролю.

Малые Лорды — граждане Арконата, получившие наследный титул и земельные владения в провинциях, где подобная практика разрешена, но не являющиеся потомками Основателей.

Н'оды — стихийные зомби, разновидность демонов с низкой организацией, способная к размножению. Основная форма существования — энергетическая, способны заселять мертвые тела людей и животных.

Оперативный Совет — высший орган управления Арконийского ордена магов.

Пограничные Стражи — специальные войска, подчиняющиеся исключительно Великим Лордам, основное назначение — борьба с тварями, пересекающими Границу.

Прилив — скачкообразное перемещение Границы, сопровождающееся массовым переселением демонов.

Пустошь — земли, пораженные дикой магией, непригодны для всего живого, населены демонами.

Рейсеры — демоны, предназначенные для ведения боевых действий на открытой местности, отличаются повышенной защищенностью.

Самотворящееся заклятие — замкнутая форма заклятия, способная самостоятельно поглощать энергию, необходимую для продолжения своего существования извне, относится к запрещенной магии.

Серое Братство — самоназвание Серых Рыцарей, последователей учения о неприменении магии. Полувоенная организация. Ставит целью полную замену черной и белой магии магией «серой», проистекающей из знания внутренних свойств вещей и сути явлений.

Стражи ордена магов — внутренние войска королевства Арконат.

Хаос — состояние неопределенности, полностью исключаящее применение магии и жизнь как таковую.

Штурмовики — демоны, предназначенные для ведения боевых действий на пересеченной местности и в границах человеческих поселений, отличаются повышенной маневренностью.

Эпоха Хаоса — глобальная катастрофа, постигшая Древнюю цивилизацию. Имела магическую природу и не вполне понятные для потомков причины, вызвала массовую гибель населения и уничтожение большинства известных в то время государств, оставила после себя магические феномены Древних тварей (демонов) и Пустоши.

• Магистр
Разрушения •

ГЛАВА 1

Удача — это такая штука, которую боги дают, не спрашивая разрешения и за свою цену.

Наблюдение счастливого человека

Отшумели зимние ливни. Небо расчистилось, и началась череда тихих морозных утренок, обычная погода для этого сезона. Гатанга, столица королевства Арконат, жила ожиданием весеннего половодья. Солнцестояние выдалось «белым», снега выпало на два пальца, и таять он не спешил, что заставляло самых предусмотрительных горожан готовиться к потопу.

В северных провинциях Арконата царили вьюга и волки, в южных — люди, что страшнее волков. Слухи о нашествии демонов всколыхнули Тирсин и Лосальти, заставили людей срываться с места, метаться без цели, и это притом что сами чудовища показываться не спешили. Не пойми откуда на дорогах появились многочисленные и хорошо вооруженные банды, грабившие всех подряд и норовившие проникнуть на территорию королевства. На границе провинции Шоканга они получали суровый отпор, а вот Дарсания, деморализованная гибелью сразу двух своих Лордов, оказывалась легкой жертвой для лихих людей. Арконийский орден магов вынужден был взять на себя управление провинцией.

Как это хлопотно и беспокойно.

Молодая волшебница каблуком раскрошила корочку льда, затянувшую поверхность лужи. Хлопот ей хватало и без далеких абстрактных тирсинцев: этой осенью преподаватель зоологии, мэтр Чомпен, неожиданно куда-то съехал, и весь его многочисленный зверинец остался на попечении учеников. Мэтрис Фаина любила кошек и спокойно относилась к мышам, но вот принадлежавшую учителю коллекцию тараканов переносила с трудом. Подробных инструкций Чомпен тоже не оставил, поэтому о том, как следует обращаться с самыми экзотическими экземплярами, приходилось узнавать из книг.

Задумавшись о своем, чародейка налетела в дверях библиотеки на что-то, что от неожиданности приняла за шкаф. Или за матрас, потому что — мягкое. Ни всплеск эмоций, ни искристая теплота ауры не

предупредили ее о приближении этого человека. Только хищный холодок на коже. Черно-красный эмалевый кулон с изображением скалящегося дракона тоже не способствовал душевному равновесию. Человек подхватил покачнувшуюся волшебницу, сердце пронзил укол необъяснимого страха. Потом мурлыкнуло добродушное «мэм?», человек спустился на ступеньку ниже, и стало видно его лицо, улыбку, чуть насмешливый изгиб бровей. Мэтрис Фаина почувствовала, что краснеет, и, не извинившись, заторопилась прочь, начисто забыв, куда именно только что направлялась.

Ох уж этот молодой Дракониc! Казалось бы, с такой физиономией только воров по ночам пугать, а как посмотрит этими своими глазами да улыбнется, глупые девки так и млеют. И хоть бы только девки! Разговоры преподавательниц и учениц Академии частенько крутились вокруг юноши, а ведь еще в прошлом году на него и внимания-то никто не обращал.

Это глупо. Что они для него? Он — Лорд, наследник провинции. Женами ему им не быть, а вешаться на шею Драконису забавы ради... Недостойно!

Смотреть на зардевшуюся чародейку было иррационально приятно, несмотря на ее стремительное бегство. Странные они все-таки. Это был уже не первый случай, когда на меня наступали, буквально. Мэтр Ребенген объяснял это тем, что практикующие маги слишком часто полагаются на свои инстинкты, которые при встрече с Разрушителем их обманывают. А еще мой наставник не рекомендовал мне пользоваться моей Силой в пределах Академии.

Впрочем, это было понятно и без подсказки — не видел еще ни одного мага, кому общение с Тьмой понравилось бы. Неловко будет, если симпатичные волшебницы начнут шарахаться от меня уже по другому поводу. Подумать только: десять веков существование Арконата крутилось вокруг идеи возвращения Разрушителей, и вот, когда искомый адепт Тьмы появился, выясняется, что его уникальный дар никто на дух не переносит.

Как же это обременительно — служить воплощением легенды!

Мэтр Бигген, оставивший пост главы цеха Новых Знаний и возглавивший группу изучения меня, установил, что блокировать Разрушение невозможно. С предсказанием результата воздействия Тьмы тоже были проблемы. На данный момент отчаянные исследователи, бледнеющие и падающие в обморок от одного вида щупалец ожившего мрака, сумели установить только ряд отличий моего Таланта от общепринятого. Классическая магия была искусством эмоциональных состояний и требовала полного слияния с миром, Иного Зрения, из-за чего особо вредоносные действия (например — жестокие убийства) адепты могли выполнять только опосредованно, используя заранее заряженные заклинаниями амулеты. В теории, я имею

в виду. Потому что недавно мы имели счастье лицезреть адепта, в извращенном применении магии дающего приличную фору моему отцу — покойный лже-Сандерс безо всяких амулетов убивал, налагал неснимаемые проклятия и жесткие, директивные внушения. Я знаю, о чем говорю: мне потом пришлось «чистить» выживших, иначе магам пришлось бы их убить.

Разрушение было признано искусством интеллектуальным. Понять это было трудно, поскольку у меня обстоятельства применения Тьмы вызывали *сильные* эмоции. Но, по уверению Биггена, это были *не те* эмоции. Они проистекали не из желания понять мир и соперничать ему, а как раз от несогласия принять его таким, каков он есть. После пары часов таких штудий (за городом, в уединенном поместье, принадлежащем Арконийскому ордену магов и заклинателей) мне хотелось послать всех любопытных к Ракшу, но приходилось сдерживать себя, поскольку именно это мое желание во время экспериментов приносило максимально разрушительные последствия.

А если я порушу что-нибудь в Академии, меня признают окончившим ее досрочно и мне придется начать осваивать управление Шокангой прямо сейчас. Я воздержался от раздраженной гримасы и пошел к ближайшему фонтанчику — медитировать до состояния благодушного пофигизма, которое прежде приходило без малейшего усилия. Теперь же шаги и разговоры студентов, значивших для меня не больше, чем птицы в облаках, упорно лезли в уши — Тень Магистра, моя блудная душа и бывший гатангийский вор, скучал и подслушивал.

И это в момент, когда самообладание было мне жизненно необходимо!

Дело в том, что накануне в Академию с визитом прибыл мой отец. Нет, я был рад его видеть. Вот только половину вечера повелитель Шоканги провел, делая намеки, что мне, наследнику провинции, пора бы занять наследников. При этом указать, кого именно хотел бы видеть в качестве моей дражайшей половины, отец отказывался. Мол, супругу я должен выбрать по велению души. Как будто это так просто! В Академии полно молодых, симпатичных девушек, но они были симпатичными все, а жениться я мог только на одной. Хорошо ему говорить — его никто не пилит по поводу внуков. Если задуматься, то он встретил маму, когда был вдвое старше, чем я сейчас.

«Почему все так сложно? — спросил я сидящего в фонтанчике грифона. — И с каждым днем только хуже и хуже».

«Добрый ты, — отозвался мой внутренний голос. — Вот на тебе все и ездют».

«Почему — ездят? — не согласился я. — Я никому не позволяю собой помыкать. Если и иду кому навстречу, то только когда это действительно необходимо!»

«Уверен, да? А своими делами заняться слабо?»

«Какими делами?»
«Придумай какими!»

«Ты же знаешь, я изучаю историю Хаоса, мне некогда заниматься чем-то еще».

«Тогда скажи Биггену, что занят!»

Я вздохнул: Тень Магистра, кем бы он там ни являлся, болезнью разума или персонификацией моей души, был ленив до крайности. Но притом прожорлив (мне приходилось прилагать титанические усилия, чтобы не растолстеть), похотлив (как некстати все эти краснеющие девицы!) и хамоват (большинство обитателей Академии не терпят фамильярности). Кроме того, призрачный вор оставался принципиальным противником общественно полезного труда; как это отразится на качествах будущего правителя Шоканги, оставалось только догадываться.

А ведь всего год назад я ничего не знал о своей духовной сущности и был счастлив! Что характерно, Тень Магистра был счастлив тоже. А теперь мы оба были недовольны. Где справедливость?

Единственное, что позволяло мне сохранять присутствие духа, это иррациональная уверенность, что подобная маета не может продолжаться вечно. Все образуется. Ну, как-нибудь.

ГЛАВА 2

Если бы существовал рай, нашлись бы и желающие
взять его штурмом.

Поговорка с темной стороны

Большая черная птица поймала ящерку. Притиснутое к земле, существо извивалось и шипело, но оказать серьезного сопротивления не могло. Координаторы редко участвуют в боестолкновениях лично, но даже будь на его месте самый могучий штурмовик, соотношения сил это бы не изменило: феллийские техномаги создавали демонов как оружие против людей, а зеферидские алхимики творили оружие против демонов. Ямбет не в состоянии был даже пошевелить навалившуюся на него тушу.

Взбитая пыль медленно оседала на камни и доспехи.

— Куда ж ты так спешишь? — довольно пророкотал Второй Ракш.

В непривычном положении брюхом кверху демону не удавалось даже хорошенько лягнуть обидчика. Да и что Второму все его тычки? Он их даже не замечает.

И ведь не то чтобы происшедшее было для Ямбета как гром среди ясного неба! Он еще вчера что-то такое чувствовал (все-таки Слияние — сила, действующая в обе стороны), но до последнего надеялся отболтаться. Увы, Первый Ракш не стал разводить дискуссии по да-

льной связи и для разбирательства прибыл в Ганту лично. Нервы Ямбета не выдержали, и он попытался спастись бегством. Жалкая попытка! Второй поймал его на бегу. Просто невысказанно было, что кто-то мог проделать такое.

Землю сотрясли еще два, нет, три тяжелых удара, гигантские тени вонзились в облако пыли. За три тысячи лет, прошедших после Слияния, Ямбет не встречал столько Ракшей в одном месте сразу. Ничего хорошего подобное сборище не сулило. Он вытянул шею, пытаясь страхнуть с себя пыль и оглядеться. Это было ошибкой — прямо над ним обнаружился огромный, золотисто мерцающий глаз. Ямбет испытал иррациональное желание забраться под Второго Ракша целиком и поджечь лапы — чтобы Первый не достал. Это было по-настоящему, по-настоящему большой проблемой.

— Что это у нас здесь? — громыхнул над Ямбетом голос, который он привык воспринимать через кристалл связи и никогда не желал услышать в явном. Действительно, на что он надеялся? На то, что Второй Ракш, посетив Ганту, не заметит никаких странностей? Что у Первого не достанет ума сложить два и два? Или что из той кучи тварей, которые ошивались вокруг Обителя Мормы, никто не начнет трепаться...

Паника окрашивала красным все индикаторы до единого, даже по тем параметрам, с которыми точно все должно было быть хорошо. От подозрения, что простой регенерацией дело не ограничится, лезвия сами собой перли наружу, но упирались в Ракша и вставали в распор, отчего у Ямбета было ощущение, что он вот-вот подавится собственным оружием. В горле вместо рыка дребезжала противная скулящая нота. Наверное, именно так чувствует себя смертный перед тем, как его съедят.

— Шустрый, — откомментировал его поведение Второй. — Но немудрый.

Ракш поднял свою жертву в воздух. Просто взял и поднял. Теперь Ямбет не решался брыкаться — слишком уж близко был ужасный золотой глаз. Что будет, если он заденет Первого хотя бы кончиком когтя, не хотелось даже думать. Надо было что-то сказать. Или сделать. Что-то, что вызвало бы одобрение, сгладило бы инцидент. Но в голове было совершенно пусто, а ведь недавно он был уверен (!), что сможет повлиять на решения Первого. Это ж каким идиотом надо было быть...

Жидкое золото глаза едва заметно изменило оттенок, и демон понял, что время вышло.

— Кое-кто плохо поступил с нашим братом. Намекаю: это такой аркониец, которого легко узнать. Как его найти?

Ракш не желал тратить время на поиск подходов или соглашение, он ломился в сознание Ямбета, как рейсер сквозь бурьян, привычно рассчитывая получить готовый ответ в чистом виде. Именно этого

Ямбет ему позволить не мог. Не в этот раз! Долгие часы размышлений, совместных с Хумбагой медитаций и чистого наблюдения привели демона к мысли, что договор со смертным надо во что бы то ни стало сохранить. Всего год назад он сделал бы другой выбор, но в то время Ямбет не понимал до конца, как близка демоническая община к бунту против Предводителей Хаоса. Он просто не вникал в копящиеся веками противоречия — все равно способов избавиться от Ракшей не было. Не было до недавних пор. А теперь чем он рискует? Полная регенерация займет три года. За это время Разрушитель может превратить Ракшей в кучу кроликов или банду маленьких обезьян. Над ними больше не висело пугающее слово «вечность».

Жар дикой магии, окружающий Второго, действовал на Ямбета одуряюще. Вся мощь Слияния колотилась в сознание, требуя открыться и не упорствовать, но демон только скалился и шипел. Истарские отродья не получают его! Почему бы им не поучиться смиренности?! Теперь он был готов наподдать Первому прямо в глаз, но длины лап не хватало. Раздражение Ракша опускалось на Ямбета подобно мрачному облаку.

— Ты что ж это, тварь, возомнил себя уникальным? Думаешь, другие не расскажут мне то, что скрываешь ты?!

В этом была вся соль. То, что Первый мог извлечь из его подчиненных и штурмовиков группы Дирдира, было безобидной тактической информацией. Ямбет сильно сомневался, что населяющие Ганту твари могли бы опознать в лицо какого-либо человека, пусть и прожившего в крепости месяц. Полную картину происходящего имели трое: он, Сисс (при первых же признаках неприятностей слинявший в неизвестном направлении) и Хумбага, которого из-за способности к мерцанию даже Ракшам поймать было нелегко. Из всей троицы именно Ямбет был уязвимее, с него-то Предводители Хаоса и начали.

Задним числом Ямбет остро осознавал этот недостаток положения координатора. Веками он радовался тому, что начальников у него мало, а подчиненных — много, забывая, что все его командиры — Ракши. А вот у Дирдира, деградировавшего бродяги, закопанного в пыль Пустоши все свои гипотетические таланты, шансы встретить Первого были близки к нулю. И кто из них был настоящим идиотом?

Внезапно ментальный напор ослаб.

— Держи крепче, я что-то вижу, — буркнул Первый, и Второй послушно усилил хватку.

Ракш запустил когти в грудь Ямбета, словно в песок, и извлек оттуда деревянный узорчатый цилиндр и мягко светящийся стеклянный шарик. Капсула связи Первого не заинтересовала, накопитель он решил рассмотреть поближе. Шарик замерцал и быстро погас — запас холода, которого Ямбету хватило бы на полгода, у Ракша испарился за пару секунд.

Настроение Первого происшедшее не улучшило.

— Я знаю, что он аркониец, и я знаю, как он выглядит. Белые волосы, два с лишним метра рост, молодой, на лице — шрам, глаза — разного цвета. Черно-красная форма, значит, он солдат одной из провинций.

Это был удар. Ракш знал слишком много! Кто мог настучать? Ямбет терялся в догадках. В молчании больше не было смысла, тактику надо было срочно пересматривать...

— Если не будет другого выбора, я срою весь Арконат, — яростно громыхнул Первый. — А ты у меня будешь дожидаться регенерации веками. Твое тупое упрямство портит мне все планы!!! Где его искать?!!

Второй надавил сильнее, переломив свою жертву пополам. Он не знал, что такое страх и боль, но Ямбет успел познать и проклясть эти дары Тьмы.

— Не знаю!!! Я ничего не нарушал! Я изучил его и нашел способ использовать. Разве это плохо?

Святящийся глаз Первого приблизился к Ямбету вплотную.

— Плохо, что ты не сообщил о происшедшем своему руководству. Сразу же.

— Ага! «Смертный в Ганту!» Какой приказ мне отдали бы?

— Он прав, Дэнис, — произнес откуда-то голос, своим звуком вызвавший мысли о воде. — Ты стал слишком рассеянным в последнее время. Хитроумие этой твари уберегло нас от большой ошибки.

Ямбет настороженно затих. За все три тысячи лет существования он видел Четвертого Ракша лишь дважды, это был самый загадочный из Семерых. Для чего он нужен, никто не знал, и чем он занимается, было неизвестно.

— Обида, нанесенная нашим братьям, должна быть отомщена! — не унимался Первый.

— Происшедшее необычно, — журчал в ответ Четвертый. — Мы должны проверить, можно ли использовать это явление для достижения нашей главной цели.

— «Негасимые Горнила остынут, и Истар зазеленеет», — горько пробормотал кто-то внизу, совсем близко.

Ямбет рискнул изогнуться так, чтобы увидеть говорившего. Покоренные тяги скребли по панцирю.

Человек. Смертный, здесь? И еще какое-то мелкое существо. Собака? Нет, обезьяна. Что это там РБ-4 говорил про обезьяну? Мысли Ямбета понеслись вскачь. Арконийский координатор допускал возможность переговоров с Ракшами в крайнем случае, а этот случай и был крайним. Нужно было действовать, сейчас.

— В этом все дело! — прохрипел демон. — Этот человек — Разрушитель! Он нужен всем нам. Это ради него вы охраняли северные земли столько лет.

— Гляди ты, заговорил! — почти весело заметил Второй.

— Я дал обещание, — огрызнулся Ямбет. — Я поклялся объяснить вам происходящее... доступным языком.

— Откуда такие сведения, что Разрушитель? — потребовал ответа Первый.

Вместо слов Ямбет выдал из себя образ, высокочеткую запись столкновения РБ-4 с Разрушителем, сделанную в целях наибольшей информативности. Клубящееся темное облако, обвиняющее штурмовика, просматривалось во всех подробностях.

— И как это повлияло на бойца?

Объяснить это было труднее всего.

— Он вернулся к основам. Но не так буквально, как... ваши братья.

Он угадал. Это было заметно по тому, как смутились Ракши. Кто бы подумал, что чудища способны на смущение!

— Продолжай! — приказал Первый намного спокойнее.

— Как только я осознал важность этого смертного, я начал искать способ установить над ним контроль. — Не стоит акцентироваться на том, как он этот контроль потерял. — Я преследовал его и загнал в изолированную крепость, оборону которой ваши братья так самоотверженно разрушили. Мы не позволили их подвигу пропасть зря! — Мягко напомнить, что он не единственный зачинщик. — Я принудил Разрушителя к соглашению. Лояльность в обмен на безопасность!

— Лояльность кого чему? — едко прошипел Ракш.

— Его — вам! — Не стоит скромничать. — Он осознал свою ошибку. Он сожалеет о нанесенном ущербе и готов к искуплению. Его можно использовать.

Первый отступил от Ямбета. Золотистый глаз потух, взгляд ушел внутрь. Ракш думал. Минуты проходили в молчании.

— Такой поворот событий... неожиданный.

— Или ожидаем? — прохладно шелестел Четвертый. — Когда ты перестал верить в наш успех, Дэнис?

Первый тряхнул гребнем стальных перьев.

— Наш успех — это еще очень отдаленное событие, Клара. А травмы, нанесенные Фраю, — объективная реальность!

— Ты чем-то недоволен, Фрай?

— Не считая того, что меня постоянно мутит? — буркнул со своего места человек.

Ямбет пригляделся. Да, в своем новом обличье Ракш выглядел... не очень. Как и сидящая рядом зверушка с пыльной и немного свалявшейся шерстью. Интересно, это Третий или Седьмой?

— Мне нужно подумать, — вынес решение Первый. — Во всем этом что-то есть, какие-то скрытые смыслы...

Ямбет тихо завидовал. Этому достаточно все обдумать, и — вуаля! — гениальное решение готово. А они с Хумбагой два месяца тыркались, как слепые котята, так ничего путного и не придумали. Инте-

ресно, сколько времени на размышление потребуется Первому Ракшу?

— Возвращаемся. А ты, сволочь, чтобы из Ганту ни ногой!! Узнаю — изведу!

Ямбет быстро закивал:

— Готов повиноваться, жду ваших приказаний! Но им, — Ямбет ткнул когтем в сторону человека с обезьяной, — им нельзя с вами идти!

— Почему?

Целую секунду Ямбет молчал, не в силах поверить, что Первый Ракш такой тупой.

— Потому, что они выглядят как смертные. Потому, что они могут быть как смертные. Потому, что такой фон, какой идет от вас, даже демона в гроб загонит. Дикая магия плохо действует на живых!

Первый на секунду задумался.

— В таком случае наши братья будут жить в Ганту.

Ямбет постарался не думать, что будет, если Ракши подохнут у него в логове.

— Отлично! Только дайте мне объяснить бойцам, в чем дело.

— Позволь нам идти на север! — вскочил со своего места человек. — Мы найдем этого Разрушителя и притащим сюда. Это наша битва!

— Не нужно насилия! Он готов к контакту. Надо объяснить ему суть, и он сам придет. Вам что нужно: убить его или заставить на себя работать?

— Слишком умный, — констатировал Второй.

— Ты знаешь способ объяснить ему что-либо? — проницательно заметила Четвертая.

Ямбет вздохнул (ничего от них не скроешь!) и кивнул в сторону узорчатого цилиндра:

— Это — средство связи.

Первый мгновенно завладел капсулой.

Наблюдая за исчезающими на фоне неба чернокрылыми силуэтами, Ямбет пытался понять, выиграл он от всего происшедшего или нет. Благодарить его, естественно, никто не стал.

— Ну, чего сидишь? Двигай! — В этом человеке определенно воплотился Третий Ракш, причем изменение размеров никак не повлияло на его характер.

— Требуется восстановить ходовую часть, — мрачно сообщил Ямбет.

— По пути восстановишь!

— Ты себе по пальцу камнем бить пробовал? — поинтересовался демон и едва успел перехватить опускающийся булыжник. — Сдурел?! Возьми поменьше.

Ракш стукнул себя камнем раза в три меньше первого, задумчиво почесал ушибленную руку и сообщил:

— Надо уметь терпеть боль!

И как это Ямбет все время забывает про скрытые в Ракшах Сущности людей? Вечно у них все... по-человечески.

— И сколько терпеть?

— Пока не заживет.

— Вот ты и терпи, а я не буду.

Это заявление остудило пыл Третьего. Ямбет сосредоточился на себе. За полчаса ему удалось навести порядок в индикаторах поврежденных, изолировать аварийные подсистемы и срастить разорванные Вторым связки. Хорошо, что на скорость регенерации Тьма никак не повлияла! Для полного восстановления требовалось протестировать управляющие контуры, но сидеть из-за этого в песке действительно смысла не имело. За барханами мелкой серой пыли (обычный для Пустоши пейзаж) маячил знакомый ушастый силуэт. Забавно, что из всех штурмовиков отправиться по его следам решил именно РБ-4. Впрочем и удачно — Ямбет не решился бы доверить переноску Ракшей кому-нибудь из неочищенных Разрушителем демонов. Этих двоих придется не только оборонять от глупых шуток тетерглавов, но и серьезно лечить: тошнота после контакта с тварью — очень тревожный для смертного признак.

— Что там? — тревожно вскочил Третий.

— Свои.

— Сэр? — осторожно позвали из-за холма. Должно быть, чтобы разглядеть Ямбета с такой позиции, демону пришлось встать на цыпочки.

— Иди сюда! Опасность миновала. Для тебя есть задание.

РБ приблизился, настороженно вертя ушами и принохиваясь. Встревожная его появлением обезьяна издала серию резких звуков. От неожиданности демон даже присел.

— Ой, что это?

— Это — Ракш.

Тут РБ разглядел источник звука и оживился.

— Какой маленький!

Просто бездна вежливости и понимания... Впрочем, что взять со штурмовика?

— Будь с ним осторожен, иначе остальные Ракши рассердятся.

Но изменившийся Седьмой не склонен был терпимо относиться к оскорблениям. С воинственным уханьем обезьяна налетела на демона, которому в прыжке доставала чуть выше колена. Реакция штурмовика оказалось лучше — одним рывком, с места, РБ отскочил метра на четыре, потом еще и замер на гребне холма, напряженно наблюдая за агрессором.

— Симус, оставь его, фиг с ним! — окликнул Третий брата и обернулся к Ямбету: — Ну что, пошли наконец?

— Что значит «пошли»? Ты представляешь, сколько тебе пешком идти до Ганту?

— А что, есть варианты?

— Есть. Я возьму тебя, а РБ — твоего брата, и мы еще до заката будем в крепости.

— У тебя что, есть седло?

— Нет. Зато ноги у меня длиннее.

Интересно, как он сюда-то добрался? Не может быть, чтобы на месте ждал! Выходит, что у кого-то из Ракшей есть что-то вроде рассчитанного на человека седла? Столько лет живешь, и все равно, что ни день, то — новости.

В итоге нести обезьяну пришлось Ямбету, так как РБ категорически отказался притрагиваться к зверю. Двигаться быстро с покореженными тягами, одновременно неся в руках хрупкое существо, он не мог, поэтому в Ганту они добрались только на закате под сдержанное восхищение оставшихся в крепости демонов. Несколько минут Ямбет с тревогой наблюдал, как Ракши пытаются восстановить способность перемещаться самостоятельно. Обезьяна, в начале пути недовольно ворчавшая от любого толчка, уныло нахотлилась, человек вообще выглядел так, словно не понимал, кто он и зачем он здесь. Скрепя сердце Ямбет наведалься в свой тайник и вручил гостям по светящемуся шару.

— На! Носи при себе, никому не отдавай. Не важно, что светится, там, внутри — Абсолютная Тьма, она нейтрализует воздействие Пустоши. Без такой штуки смертному к демону лучше не подходить. Прежде чем дальше бегать, как раньше, лучше бы вам узнать, не появились ли у вас какие-нибудь необычные слабости...

Отряд Пограничной Стражи находился на патрулировании. Так это называлось официальным языком, на деле же они просто мотались вдоль Границы, изо всех сил напрашиваясь на неприятности. Но зима — тихое время, за три дня похода им не удалось отыскать даже паршивого н'нода (с приходом холодов стихийные зомби впадали в спячку). Последней надеждой была река, не очень глубокая, но основательно заросшая. Ее зеленое, сумрачное нутро было идеальным местом для логова демона. Как бы его еще оттуда достать...

— Воздух!

На дорогу перед отрядом бесшумно опустилась огромная черная птица, изящно встряхнулась, приглаживая оперение, и только легкий звон выдавал, что сделано оно из гибкой стали. В глазах Погранично-го Стража загорелся охотничий азарт:

— Смотри, кто к нам пришел!

Отряд перестроился и двинулся вперед, медленно окружая тварь.

Защелкали волшебные огнива, способные подпалить даже самый отсыревший фитиль. Тварь с интересом наблюдала за людьми.

— Цыпа-цыпа! — ласково позвал старшина, приближаясь на расстояние броска гранаты. Его не смущало, что дичь в три раза превосходит его размерами. Удастся ли отломать от нее хотя бы одно перо?

Чудовище смущенно наклонило клювастую голову и кокетливо продемонстрировало ярко раскрашенный деревянный цилиндр, лежащий на трехпалой ладони. На лице Пограничного Стража проступило неопишуемое разочарование.

— Отставить атаку! — приказал он. — Это связной.

Бойцы засуетились, разряжая оружие.

— Кинь в воду! — посоветовал старшина подчиненному, сосредоточенно растирающему практически догоревший фитиль.

Две гранаты, булькнув, упали в реку, и в одном месте мгновенно вырос фонтан вспененной воды.

— Ну вот, — мрачно констатировал старшина, — испортили вещь. Поди глянь, может, рыба всплывет.

Тем временем черная птица быстро и бесшумно сократила расстояние, раз — и она уже подошла вплотную, деревянный цилиндр повис на расстоянии вытянутой руки от Стража.

Старшина сверил номер — совпадает. Снял с пояса собственную капсулу связи.

— Спасибо, красавица! На вот тебе в запас.

Тварь забрала капсулу, а потом ловким тычком крыла надвинула шлем Пограничного ему на глаза.

— Ах ты, коза бодливая! — беззлобно ругнулся старшина, взясь с застежками.

Мягкий порыв ветра проводил улетающего демона.

— Возвращаемся на базу! Сообщение должно быть доставлено немедленно.

ГЛАВА 3

Не гагадывай желаний, не подумав наперед.

Девиз прорицателей

Посыльный попытался вытащить меня с лекций по демонологии. В этом году занятия шли по обновленному курсу, и вел их настоящий боевой маг, мужик совершенно бандитской наружности. За свою карьеру он не только «гонял тварей», но и участвовал в нескольких рейдах в глубь Пустоши, отчего был хорошо знаком как с теорией, так и с практикой демонологии. Мы смогли бы поладить, если бы не его откровенно хамские замечания о Пограничных Стражах. Я понимал, что на Границе он мог общаться только с россангийскими полудики-

ми пехотинцами (отец в Шокангу магов из ордена не брал), но считал, что можно более почтительно относиться к тем людям, которые отдают за тебя свою жизнь.

Я принципиально досидел до конца лекции — это один из самых важных для меня предметов. Мэтр Першин предупреждал, что пройдет в Гатанге еще недели две, а потом составленный им курс будет вести кто-то более теоретически образованный. Я предпочитал черпать из первоисточника. Маг говорил зажигательно, приводил массу более-менее практических примеров (не повторяясь), а любые вопросы об устройстве и функционировании демонов ловко переводил на их свойства и повадки. На мой взгляд, очень правильный подход: создавать еще одного демона нам ни к чему, они и так по Пустоши табунами бродят, а вот чего ждать от них при встрече — хороший вопрос. Для меня — особенно важный и как для Великого Лорда, и как для единственного в мире Разрушителя.

Посыльный терпеливо ждал в коридоре с таким видом, словно это действие и заключало в себе весь смысл его жизни. Мне даже совестно стало. Он был из тех магов, которые служили помощниками у председателя Оперативного Совета — большой шишки среди аркобийских чародеев (за несколько месяцев, прошедших после моего возвращения в Академию, я узнал об устройстве ордена магов и заклинателей больше, чем за всю предыдущую жизнь).

— Извините за задержку!

— Ничего страшного, сэр! Мне все равно придется дожидаться мэтра Першина. — Он передал мне сложенный вдвое листок. — Вы знаете, где находится Цветочный павильон?

— Да.

— С шестым ударом мастер Нантрек будет ждать вас там. Просьба не опаздывать, вопрос очень серьезный.

Шестой удар часов на Башне Магов — это три часа дня. И, похоже, Першин тоже приглашен. Как интересно! Дело наверняка касается демонов. От любопытства у меня ладони зачесались, и захотелось что-нибудь стащить. Но, главное, почему в парке?

Расспрашивать подробно я не стал, потому что заметил, как дрожат у чародея пальцы. Он боялся меня. Или чего-то такого, что я могу сделать. Этот помощник был у председателя самым доверенным, поскольку несколько раз приезжал во время моих занятий с мудрилами... в смысле исследователями из цеха Новых Знаний. Должно быть, один раз он решился остаться и посмотреть... Теперь я лучше понимал, почему алхимики древности почти ничего не писали о Разрушителях — даже при мысли о последних им становилось нехорошо. Это был еще один повод не использовать Разрушение в стенах Академии.

— Обязательно буду. До свидания!

Он совершенно спокойно улыбнулся и вежливо поклонился. У меня такой выдержки не будет никогда...

Часы отбивали три, когда я подошел к Цветочному павильону. Он выглядел как большая круглая беседка, где летом любили устраивать вечеринки, праздники и (что главное) выпускной бал. Сейчас для танцев было чересчур прохладно. В кустах возились маги в рабочих балахонах, устанавливающие нечто до боли напоминающее защитный периметр. Если они хотели сделать встречу секретной и безопасной, то лучше было бы устроить ее внутри Академии, а не в саду — в конференц-залах Башни Магов наверняка имелись стационарные защитные средства. На дорожке двумя группами стояли приглашенные (внутри их пока не пускали) и особняком — мастер Першин. Почему-то у меня возникло ощущение, что маг успел поругаться с кем-то из присутствующих.

А сейчас его внимание привлек я.

— Лорд Гэбриэл, — как-то нехорошо улыбнулся он, — ваше присутствие для нас большая честь.

— А для меня большая честь быть слушателем ваших лекций, мастер Першин!

Характера этого преподавателя я не знал, поскольку после лекций мы ни разу не общались, но маленькая и заслуженная похвала всегда улучшает настроение.

— Да, — без ложной скромности согласился маг. — Обычно мое внимание полностью поглощено Границей.

Практику Россанги в этом отношении я не знал, у нас задачей магов являлось исключительно обновление следящих заклинаний и установка защитных периметров. Попытайся они участвовать в бою, Пограничные им клизму бы вставили. Оставалось неопределенно повести плечами.

— На Границе в Шоканге редко встретишь магов ордена.

— Контролировать Границу — одна из обязанностей Великих Лордов, — оскалился Першин.

— Это наш Долг, — мягко возразил я.

Интересно, чем они там, в Россанге, занимаются?

Маг хмыкнул. Какая наглая у него, однако, улыбочка. Так бы и дал в морду.

— Мне говорили, вам уже приходилось сталкиваться с демонами.

Я вздохнул. Страсть к секретности у магов вновь возобладала над здравым смыслом. Похоже, что Першин списал сообщенный ему факт на ту, самую первую тварь, которая едва не лишила меня глаза.

— Да, и не единожды.

Я праздно задумался, пытаюсь сосчитать, сколько раз я имел дело с демонами. Следовало ли принимать месяц, проведенный в Ганту, за один эпизод или за несколько?

— И каково ваше мнение о н'нодах? — гаденько поинтересовался Першин.

Тут даже думать нечего.

— Щенки!

Я имею в виду — в боевом отношении. Или он хотел услышать от меня про вонь? Но запах, испускаемый стихийными зомби, описание просто не поддавался. Знакомый секретарь пригласил всех внутрь, и уточнить мне не удалось.

Внутри павильона успели поставить большой прямоугольный стол, пол был расчерчен множеством символов и линий. Я заметил, что вошедшие стараются на них не наступать. Всех встречали председатель Нантрек и мастер Ребенген. Старого наставника я не видел с прошлой осени и об его отсутствии очень сожалел. Новый преподаватель древней истории читал лекции слишком близко к программе, да и в моих собственных поисках спросить совета было не у кого.

Увидев меня, чародей приветливо кивнул:

— Здравствуй, Гэбриэл!

— Здравствуйте, мастер Ребенген! Вас давно не было видно.

Чародей помрачнел:

— Дела, будь они прокляты, дела.

Э нет, так просто он от меня не отделяется. Я уже привык к тому, что сведения из людей приходится тянуть клещами, и теперь целенаправленно избавлялся от чувства такта.

— Позвольте пригласить вас на чай! Мой отец сейчас в Академии, и он тоже рад будет вас видеть.

— Непременно зайду, если ничего не произойдет, — улыбнулся маг. — Но лучше нам сначала закончить дела.

Я понял намек и заткнулся. Секретарь Нантрека усадил меня в торец стола, прямо напротив места председателя, остальные расселись как пришлось. Всего в Цветочном павильоне собралось одиннадцать человек (включая меня), это число казалось каким-то магическим, но точно я бы не поручился.

Председатель Нантрек постучал по столу, привлекая внимание:

— Господа! Перед каждым из вас лежит лист. На его обратной стороне копия сообщения, которое не опознанный нашими специалистами демон передал патрулю Пограничной Стражи. Согласно предварительной договоренности, послание адресовано присутствующему здесь Великому Лорду Гэбриэлу Шоканги, но я прошу ознакомиться с ним всех.

Мне секретарь Нантрека подал на подносе оригинал письма. Послание было на долийском — довольно редкий для Предков диалект. На листке старого пергамента четким, крупноватым почерком было выведено: «Встреча у пагоды Васесея, полдень равноденствия. Быть». Ниже стояла короткая подпись: «№1». Простенько и со вкусом.

- Есть основания предполагать, что это послание отправил...
- Первый Ракш? Очень похоже. Многозначительно.
- В каком смысле?

Я пожал плечами.

— ЯМ-64 «бета» говорил, что в Ракшах скрыты Сущности людей. Значит, они способны понимать и предсказывать человеческое поведение. Смотрите: он назначает встречу, причем место встречи по эту сторону Границы. Кроме того, возможно, это совпадение, но на этом месте я недавно был. Он не угрожает, но дает понять, что контролирует ситуацию и при необходимости Граница его не задержит. Приглашение сформулировано так, что от него невозможно отказаться.

Председатель Нантрек серьезно кивнул:

— Выводы наших экспертов подтверждают сделанный вами анализ. Мы не можем приказывать Великому Лорду или требовать что-то от него, поэтому выбор дальнейшего поведения целиком зависит от вас. Собираетесь ли вы пойти на эту встречу?

— Конечно. Нельзя упускать возможность урегулировать отношения с Ракшами.

И это если не вспоминать про Долг, хотя в данном случае он становится немного двусмысленным. Можно ли требовать от кого-то, чтобы он не пустил через Границу Ракша? Тем более что демон в Арконат не пойдет, а полетит.

Рядом со мной сидел мэтр Першин. На меня он не смотрел и молча ковырял ногтем обивку стола. Першин явно был сторонником арконийской традиции не задавать вопросов, но какие выводы из сказанного он сделал для себя, было непонятно. Я не выдержал — знакомство с культурой Серых Рыцарей, не терпящих никакой недосказанности, необратимо испортило мой характер.

— Мэтр Нантрек, пока все заинтересованные лица здесь, не стоит ли убедиться, что они имеют одинаковую картину происходящего?

Старый маг поджал губы. Должно быть, думает, как сформулировать ответ минимумом слов и максимально двусмысленно. Это меня добило.

— Я имею в виду, все ли присутствующие знают, что я — адепт Разрушения, недавно вернувшийся из Ганту и уже успевший сокрушить двух Ракшей, что делает необходимость урегулировать отношения с оставшимися особенно животрепещущей? В том смысле, что даже я не могу просто взять и развоплотить их — они держат в узде всю демоническую общину. Не побоюсь этого слова, но они нам нужны. Я имею в виду, нужны лояльные Арконату Ракши.

Маги заерзали, хотя переговариваться не решались. Эх, надо им Гверрела сюда! Нахальный заклинатель Серый просто феноменально оздоровлял обстановку.

— Все присутствующие поставлены в известность о появлении в

Аркионате Разрушителя, хотя на личности мы не переходили, — осторожно начал Нантрек.

То есть им просто сказали: «Адепт Тьмы есть», — а дальше думай что хочешь.

— Политические соображения не позволяют нам распространяться о причинах вашего отсутствия...

В смысле говорить всем, что один Лорд пытался убить другого, да еще и с участием магов, — нельзя.

— ...а метафизические аспекты...

Если он сейчас скажет, что маги не способны принять Разрушителя таким, каков он есть, я познакомлю со своей Силой всю Академию разом.

Неожиданно мастер Ребенген фыркнул:

— Я же говорил, что в Башне встречу лучше не устраивать!

Нантрек выдавил из себя бледную улыбку:

— Прошу вас, милорд! Среди нас присутствуют Целители. Маги этой ориентации воспринимают контакт с Тьмой как... как...

— Окувание в прорубь с последующим медленным прожариванием, — закончил за него мастер Ребенген.

Это меня отрезвило:

— Извините. Но это не снимает вопроса — так дальше нельзя!

— Согласен, — покаянно кивнул Нантрек. — Особенно учитывая ваш талант Конструктивного Предвидения, о котором вы так скромно не упомянули. Для этого мы и собрались. Господа, прошу соблюдать спокойствие! Общую ситуацию изложит присутствующий здесь мэтр Теодор Ребенген. После все смогут задать вопросы.

Мой старый наставник встал и тут же примирительно замахал руками:

— Да, да, знаю, слишком много сразу, слишком необычно! Прошу понять руководство ордена правильно: обстоятельства стали известны только прошлым летом, и у нас просто не было времени предпринять все необходимое. Ситуацию оглашает наличие предателя в рядах ордена и, возможно, не одного.

Если он хотел завладеть вниманием присутствующих, это у него получилось. За столом установилась звенящая тишина. Лицо Ребенгена стало жестким и холодным.

— Мы находимся в условиях военного положения, когда против нас — ордена магов и всего Аркионата — действует неизвестный внешний противник, готовый погубить королевство любой ценой, — отчеканил маг. — Все присутствующие столкнулись с активностью Целителей, вызванной преступлениями мэтра Сандерса, помощника главы цеха Целителей. Правда ужасней вымыслов. Убитый в Шоканге маг не был Сандерсом Керсеном, это был подменщик, допельгангер, с лицом человека, известного всем как Сандерс, но с иным происхождением и сутью. Когда произошла подмена — неизвестно, но она была

бы невозможна без подготовки и помощи со стороны. Кто-то должен был присмотреть среди выпускников Академии одинокого, нелюдиного мага, собрать о нем сведения, а в нужный момент — убить. Преступнику подчинялась целая сеть агентов, готовая исполнить любой его (лично его!) приказ. Таким путем были убиты два Великих Лорда Дарсании, так было совершено покушение на адепта Тьмы. — Шорох в рядах слушателей. — Уже после того, как стало известно, кто он такой.

Мастер Ребенген сделал паузу, благо аудитория понятливо относилась к риторическим приемам.

— Среди присутствующих нет доппельгангеров, — тихо добавил маг. — Если кто-то из вас предал устои Арконата, то сделал это сознательно и по доброй воле. Но невозможно подозревать всех на свете. Что бы вы ни делали, я прошу помнить: адепт Тьмы у нас один (первый за тысячу лет!), способ пробуждать эту способность у других нами еще не найден. Сохраняйте личность Разрушителя в тайне, пока это единственная его защита.

Он обвел собрание взглядом, очевидно ожидая вопросов.

— Не будет ли невежливо с нашей стороны попросить подтверждения ваших слов? — мягко поинтересовался пожилой магик, имени которого я не знал.

Мастер Ребенген щелкнул пальцами.

Все тот же маг-секретарь вошел в павильон, торжественно неся перед собой странный предмет волшебного вида. Он обошел с ним всех чародеев, а потом поставил его на стол передо мной. Это было что-то вроде маленькой табуретки с ручками, скорее — подставка, на которую, собственно, и был водружен артефакт. Обозвать его амулетом язык не поворачивался, а названия любых других магических приспособлений я не знал. Все выглядело так: над бронзовым блюдом поднимались прозрачные языки невесомого, радужно переливающегося пламени. Ласкаемая холодным огнем, в воздухе парила золотая сфера размером с крупную редиску. Полированная поверхность не отражала волшебства, по ней бродили лишь тени сущего, людей и предметов.

— Что это? — подозрительно спросил я. Сюрпризы мне не нравились.

— Еще Бегущие Огни, — мрачно сообщил мастер Ребенген. — В фазе активации.

Мои руки сами собой метнулись вперед. Золотая сфера противно задребезжала. Я попытался протереть блюдо от магических знаков, которые там, возможно, были.

— Это что, шутка, да? Шутка?

— Не совсем, — поморщился Нантрек. — По уровню магии заклета такое же.

Холодное пламя развеялось, дребезжание унялось. Я осторожно

разогнул пальцы. На ладони лежал небольшой прозрачный камешек, напоминающий стеклянную линзу, разве что сглаженный со всех сторон.

Ладони председателя Нантрека сложились в неизвестном мне жесте.

— В Пророческом Огне рождается Кристалл Хроноса, — торжественно объявил он. — Таинственный артефакт, согласно летописям неразрывно связанный с Конструктивным Предвидением. Если проще, с возможностью изменять судьбу.

Ну, судьбу мне удавалось изменить и безо всяких кристаллов. Я повертел камешек в руках, приложил к глазу. На вид он был прозрачным, но все, что я видел сквозь него, почему-то теряло цвет, становилось серым и тусклым.

— Гм. Мрачное у нас, должно быть, будущее.

В ответ — напряженное молчание. Что я не так сказал?

Присутствующие — пятеро магов ордена и трое, к ордену не принадлежавшие, — были слегка напуганы. Один из посторонних, чью мантию украшали символы служения церкви, выглядел особенно странно. Его взгляд уперся в камень, рука меж тем слепо скребла воротник. Может, у него с сердцем плохо?

— Это я, — выдохнул чародей. — Из-за меня. Я внял словам искушителя и усомнился в мудрости Основателей. Убейте меня!

Прежде чем я уловил, о чем речь, камешек изменился, на мгновение стал каким-то... лучезарным. А потом треснул и рассыпался в серую пыль. Упс.

— Я не виноват!!!

— Акт Конструктивного Предвидения свершился, — торжественно сообщил Нантрек. — Подобное может быть проделано только Разрушителем в ключевых точках Реальности.

— Предупреждать надо.

— Зачем?

Убью. Прихлопну стулом таракана плешивого! К сожалению, Нантрек благоразумно устроился на противоположном от меня конце стола.

Взгляды присутствующих меж тем сосредоточились на священнике. Тот все с тем же остекленевшим взглядом выкладывал на стол какие-то предметы, снимал амулеты и церковные регалии. Мастер Ребенген встал со своего места, подошел к нему и положил руку ему на плечо.

— Не надо, патер Грефем. В любой другой ситуации да, вы были бы достойны смерти. Но вмешательство Разрушителя изменяет судьбу, дает выбор. Мы не вправе отказать в нем никому. У вас будет возможность исправить совершенное.

— Моя вера была слаба. Я предал дело Божье.

— Все мы знаем, как тяжела работа инквизитора. Ваша вера боль-

ше, чем чья-либо, подвергалась испытанию. Но теперь вопрос заключен не в вере, а в знании. Вы знаете, что постулаты Основателей были верны. А что предложили вам те, другие, помимо веры?

— Они говорили, что найден способ укрощения демонов.

— А Пустошь? Как они собирались укротить ее?

Хороший вопрос. Пустошь — это земля, заполненная дикой магией, силой, надежно уничтожающей все живое. Даже демоны переносят ее с трудом. По сути, эта малоизученная субстанция выделяется всеми существами, пока они живы, а также является естественным остатком любых заклинаний. Когда концентрация невелика, дикой магии просто не видно, потом происходит качественный скачок и появляется проклятая земля — прореха в реальности, покрытая серой пылью, заполненная горьким воздухом, одним прикосновением несущая смерть. Я видел Пустошь — безжизненное пространство, унылые камни, мелкий песок. Дело не в демонах. Да, Ракши могут как-то влиять на движение Границы, отделяющей земли мертвых от земли живых, но даже если твари не придут, Пустошь все равно не остановится. Есть доказательство этому — Феналле, Забытое королевство.

Священник поднял на меня глаза. Я живу не первый год, и на меня по-разному смотрели — с ненавистью, раздражением, любовью. Этот человек смотрел на меня как на божество. Я бы не хотел, чтобы все люди смотрели на меня так.

— Они утверждали, что они и есть Разрушители, но не способны были делать то, что сделали вы. Ложь ослепила меня, но теперь я прозрел. Я повинуюсь!

Мастер Ребенген обнял его за плечи, начал бормотать на ухо что-то успокаивающее. Мужик был в полной прострации. Мой наставник и секретарь Нантерка осторожно увели его из павильона.

Председатель звонко хлопнул в ладоши:

— Ну-с, а теперь вернемся к вопросу о Ракше.

С дивным единодушием собрание решило, что в вопросе о демонах они полностью полагаются на меня. Я могу делать с Ракшами все, что сочту нужным, а орден магов и Церковь Единого меня поддержат. Поскольку битвы с демонами были прерогативой Великих Лордов, этому ничего не мешало с формальной точки зрения, а как Разрушителю мне вообще прощалось все. В качестве полномочного представителя ордена и магической поддержки мне в подчинение (!) передавался мэтр Першин. Что думает по поводу всего этого мой отец, никто не поинтересовался. К поведению руководства ордена вопросов больше не было. Маги пожелали мне успешного выполнения миссии и бодро разбежались.

Я покидал Цветочный павильон одним из последних. Мой внутренний вор многозначительно молчал, и у меня было нехорошее чувство, что я таки позволил им сесть себе на шею.

На дорожке перед павильоном меня ждал мастер Ребенген. Я даже не знал, что ему сказать... Он виновато улыбнулся:

— Не злись! Это была идея Биггена. Ты говорил ему что-то про то, что суть Тьмы в уничтожении предопределенности. А у нас была проблема — последние два года у многих прорицателей шла череда мрачных пророчеств. И не только у нас. Святые отцы поддерживают собственную магическую службу, небольшую, но очень мощную — церковники сильны своей верой. У них сейчас есть очень сильный прорицатель, почти ясновидящий, по его видениям выходило, что приближается конец света.

— И тут — Ракш.

— Сначала — Сандерс, потом — Ракш. Каждый из этих факторов по отдельности уже достаточно гибелен. Они первыми к нам обратились, церковь никогда не работала с изменением будущего, это задача ордена. Мы обязаны были ввести их в курс дела. В итоге их прорицатель увидел эту встречу, именно с теми лицами, которые были на нее приглашены.

— Круто. В смысле впечатляет. Что мешало вам меня предупредить?

— Заклятие. Нантрек рассчитал, что, действуя спонтанно, ты имеешь больше шансов на успех. «Вселенная не хочет совершать самоубийство, равно как и Господь хочет предоставить своим детям шанс искупить грехи», — глубокомысленно процитировал он. — Короче, с агентами влияния мы работаем, твоя задача — унять демона. Справишься?

Я пожал плечами. Глупый вопрос! Все равно никто другой не сможет даже приблизиться к этой твари, меня просто нечем заменить. Я отлично помнил, в каком состоянии были Серые после встречи со Вторым Ракшем, а ведь демон пролетел от нас метрах в ста. Контакт с тварями плохо влияет на здоровье. Впрочем, все это мой старый наставник знал и без меня.

— Те, с кем я имел дело, выглядели вполне вменяемыми. А знакомство с теми двумя было слишком... скоротечно. — Я помолчал и признался: — Но мне очень хотелось бы задать ему пару вопросов.

Ребенген фыркнул:

— Если бы нас кто послушал! Никто просто не поверил бы, о чем мы говорим. Что тебе нужно?

— Свидетели. Такие, которые не станут истерить при виде твари, но смогут заметить, если я что-то упущу. Знание долийского приветствуется.

Мастер Ребенген перевел взгляд на Першина, молча присутствующего за моей спиной.

— Ну, одного ты уже получил, над остальным подумаем. Наверняка кто-нибудь из церковников напросится с тобой. Приглашение на чай еще действует?

— Конечно!

— Тогда до вечера.

Он помахал рукой и заспешил по дорожке по своим делам. Мэтр Першин подумал и ушел следом. Отлично! Значит, мне не придется пересказывать свою историю еще раз, а он не будет задавать глупые вопросы.

Противно говорить, но я был рад происшедшему. Это позволяло мне сменить занятие, прогуляться и проветриться под благовидным предлогом, не вдаваясь в нудные объяснения. Проблем в будущем я как-то не замечал, а совесть меня не мучила.

ГЛАВА 4

Не разговаривай с зеркалом! Если оно ответит тебе, кого тогда будут считать отражением?

Дневник морфиниста

Старший дознаватель Арконийского ордена магов и заклинателей, без пяти минут первый помощник главы Целителей, мэтр Теодор Ребенген задержался перед зеркалом, проверяя внешний вид. Удобный, немного неформальный костюм нейтральных цветов, пошитый к прошлому зимнепразднику, сидел на нем чересчур свободно. Когда это он успел так усохнуть? Надо заканчивать с привычкой пропускать завтрак. Нет, он еще не дошел до того, чтобы тяготиться возросшими обязанностями, но уже начал воспринимать минуты покоя как редкую драгоценность.

Это был насыщенный событиями год, но особенно туго Ребенгену пришлось в последние три месяца. Три месяца охоты на невидимок, три месяца схваток и преследования, когда в толпе сограждан только ты знаешь, что вон тот человек впереди — смертельно опасный враг. Король и орден магов решили не объявлять о вторжении допельгангеров публично: общественная поддержка была хороша, когда дело касалось явного врага, известие о таинственных перевертышах не могло породить ничего, кроме истерики. Но слухи все равно шли, и их источником далеко не всегда становились болтливые кумушки. Это был еще один невидимый пласт борьбы. К счастью, в том, что касалось битвы умов, Арконийский орден магов имел успешный многовековой опыт. Агенты Целителей работали языками не переставая, распуская среди простолюдинов все более и более причудливые рассказы о кровожадных тирсинцах и колдунах, проникающих в королевство через границу пошатнувшейся Дарсании, новомодных мошенниках, приспособившихся красть чужие лица, о грядущем Приливе и нашествии тварей. Да, да! Ужасный и неотвратимый Прилив превратился в повод для сплетен. На этом фоне разговоры о том, что

маги сделали что-то не то, звучали просто пошло. Король воспользовался трагедией семьи Дарсаньи как поводом запретить игрища в Румиконе, а Полые Холмы отдать церкви под монастырь (взамен хемленского, который после смерти аббата Браммиса тихо закрыли).

Развитие катастрофы удалось остановить, но равновесие было шатким. С допельгангерами надо было кончать! Во имя этой цели Ребенген прервал текущую операцию в Каверри и прибыл в Академию, чтобы добиваться встречи с повелителем Шоканги. Лорд Бастиан знал о допельгангерах слишком много. Откуда, как? Все, кого пытались допросить Целители, умирали прежде, чем начинали говорить, причем умирали, даже если их вообще никто не трогал. Нантрек был уверен, что Драконис знает ответ на эту загадку. Ребенген настоял только, чтобы разговор с Бастианом состоялся после встречи в Цветочном павильоне, а не перед ней: так прийти к согласию было сложнее, зато у повелителя Шоканги не возникало мысли, что его обманули. Теперь у Ребенгена появилась возможность выслушать все, что Великий Лорд думает о магах в целом и председателе Нантреке в частности.

Единственное, в чем чародей был не уверен: правильно ли он делает, что тащит с собой Першина. С другой стороны, если Ребенген не прочистит ему мозги, то кто? Пока боевой маг вел себя странно: выслушав историю обретения Разрушителя, он покивал и не задал никаких вопросов. Было такое впечатление, что Темный адепт слишком резко менял представления Першина о действительности и маг просто не в состоянии это принять, ему проще было предположить, что историю о Разрушителе выдумало ведомство главы Целителей. Если Першин также не в состоянии принять существование повелителя Шоканги, то Ребенген заставит Совет отослать этого олуха туда, откуда он прибыл, и тем сэкономит на похоронах. Какой смысл в присутствии волшебника, неспособного смотреть правде в глаза?

Новоявленный помощник Разрушителя пришел на встречу в парадной мантии, носившей следы множества неудачных стирок: белые атласные вставки слегка пожелтели, на груди и руках красовались какие-то сомнительные пятна, а последняя попытка чистки при помощи магии добавила на фиолетовую ткань лиловые разводы. На взгляд Ребенгена, Першину следовало сжечь эту дрянь немедленно и идти на встречу голышом: Лорд Бастиан умел морально изничтожить собеседника и за меньшие промахи.

Сам Першин никаких недостатков в своей внешности не видел. Сейчас мага интересовала необычная проблема:

- Не будет ли мое присутствие на семейной встрече неуместным? Интересная постановка вопроса. Ребенген поднял бровь:
- Я тоже не член семьи.
- Но вас пригласили!
- Скорее уж я напросился. — Ребенген вздохнул. — Эта встреча

не будет домашним чаепитием. Мне надо решить с Лордом Бастианом один очень серьезный вопрос, кроме того, нам надо понять, как он относится к вашему присутствию — Оперативный Совет может воображать о себе что угодно, но последнее слово все равно останется за повелителем Шоканди.

Першин нахмурился, честно пытаюсь осмыслить такой поворот дел, а Ребенген, наконец, определился с характеристикой коллеги — солдафон. Даже среди магов такое бывает. Досадно в бытовом плане, но если Нантреку нужен свидетель без фантазии, то это было самое то. У фонтанчика с фигурой грифона, установленного при входе в гостевые апартаменты, Ребенген задержался еще раз, с сожалением оглядывая мантию коллеги.

— Есть один момент, мэтр Першин, о котором вас могли не проинформировать: Оперативный Совет утвердил в отношении Разрушителя политику максимальной открытости. Это означает, что вы не просто будете отвечать на все его вопросы, но также постоянно уточнять, насколько правильно он понимает происходящее. Я знаю, что для неподготовленного мага это нелегко. Наблюдайте за мной, коллега, и старайтесь подражать.

Пожалуй, не чуждый преподаванию Першин мог понять, что от него требуется.

— Мудро ли полагаться на здравомыслие такого молодого человека? — засомневался Першин.

— При чем тут возраст? — Ребенген попробовал объяснить еще раз: — Он — Разрушитель, адепт Тьмы, стихии рукотворного хаоса. Он способен к Конструктивному Предвидению, но не наделен Иным Зрением и всем, что с ним сопряжено, что значит: принимает решения, сообразуясь с доводами не интуиции, а рассудка. Итог таков, что чем больше он знает, тем меньше у нас проблем. Не надо добавлять хаоса туда, где его и так в достатке!

— Не понимаю, — признался Першин.

— Это потому, что у вас мысли заняты чем-то не тем, — потерял терпение Ребенген. — Не беда! Лорд Бастиан умеет завладеть вниманием собеседника.

И делает это практически мгновенно...

Двери гостевых апартаментов охраняли четверо Пограничных Стражей, присутствие которых в стенах Академии было категорически запрещено. Ради соблюдения приличий солдат переодели в форму гвардейцев Лорда, и вынужденный маскарад не добавил им благодушия. Незнакомый Ребенгену старшина раздраженно тискал рукоять непривычно легкого для себя меча, а его подчиненные рассматривали приближающихся магов неприятными, оценивающими взглядами. Чародей прошел мимо постовых с независимым видом, не представляясь и не затевая дискуссии (если Бастиан распорядился их пустить, они пройдут, если нет, то обсуждать что-либо бессмыс-

ленно), Першин наступал ему на пятки. Когда недовольно ворчащие Пограничные остались позади, Ребенген украдкой перевел дыхание.

— Как он их сюда протащил?! — шепотом возмутился Першин.

— А кто ему запретит? — хмыкнул Ребенген.

Действительно — кто? Кто готов вызвать на себя гнев единственного и горячо любимого родственника Разрушителя, непревзойденного охотника на допельгангеров, и вдобавок — правителя, имеющего полное право обвинять в покушении на свою семью даже церковь? Желаящих изображать мишень не находилось. Нантрек прямо заявлял, что не станет вмешиваться, пока количество жертв остается в пределах разумного. На их беду, изобретательность Дракониса была воистину безгранична и безо всякого членовредительства. Пограничные Стражи — это была еще не самая хамская выходка. Ребенген слышал мнение, что лучше бы уж Лорд кого-нибудь убил и на этом успокоился.

Например, Першина.

Чопорный мажордом (единственный замеченный Ребенгеном слуга) проводил магов в небольшую, уютную гостиную, явно предназначенную для неформальных приемов. Вокруг низенького стола стояли четыре (!) кресла — предусмотрительность Бастиана иногда граничила с ясновидением. Два места были заняты: в кресле у окна развалился Гэбриэл Шоканги, похоже, воспринимавший неформальный характер встречи буквально. Начинаящий кошмар всех магов Арконата то ли уже забыл о выходке Нантрека, то ли решил ее игнорировать и выглядел вполне довольным жизнью. В кресле у камина замер его отец. Другого эпитета для позы повелителя Шоканги у Ребенгена не было, он вообще мог по пальцам пересчитать случаи, когда видел Бастиана расслабленным и умиротворенным. Сейчас, несмотря на желание Лорда выглядеть дружелюбно, его рука стискивала подлокотник кресла до белизны в костяшках.

— Привет! — улыбнулся Гэбриэл.

Ребенген коротко поклонился:

— Добрый день! Хочу представить вам моего коллегу. Милорды, это Абенадан Першин. Мэтр Першин — Великий Лорд Бастиан Шоканги, Великий Лорд Гэбриэл Шоканги. С Лордом Гэбриэлом вы сегодня уже виделись.

Представленный маг кивнул и начал краснеть, должно быть, свое полное имя он произносил вслух нечасто. Повелитель Шоканги успел скользнуть взглядом по убогому одеянию Першина, сделал для себя какие-то выводы, но оглашать их пока не стал.

— Оставим формальности! — предложил Бастиан тем тоном, которым обычно сообщают: «Спасаться поздно». — Присаживайтесь, господа.

— Спасибо. — На всякий случай Ребенген выбрал место ближе к повелителю Шоканги. Нет, он был далек от мысли, что сможет оста-

новить Лорда, но кресла стояли слишком уж тесно, а Першин и без того выглядел довольно... гм... взвинченным.

Мажордом наполнил чашки ароматным напитком и, не проронив ни слова, вышел. Гэбриэл немедленно завладел булочкой. Ребенген повозился, устраиваясь поудобней — на месте обнаружилась маленькая и почти безобидная подлость: все четыре кресла были одинаковыми, то есть рассчитанными на человека с телосложением Великого Лорда. В качестве милости к креслу прилагалась скамеечка для ног и подушечка под спину, наверное, чтобы у гостей не оставалось сомнений — хозяин знал, что делал. С другой стороны, будь кресла разные, положение было бы еще более двусмысленным.

Чаепитие обещало быть... напряженным.

Молодой Лорд занимался именно тем, для чего обычно садятся за стол, — ел. Першин продолжал дуться и краснеть.

— Попробуйте крендельки, уважаемый, очень вкусно! — посоветовал магу юноша.

Першин устался на выпечку, как на блюдо с живыми лягушками.

На лице повелителя Шоканги появилась сардоническая улыбка. Ребенген понял, что сейчас Лорд скажет что-то такое, после чего Першину останется только удавиться, и решил отвлечь внимание на себя.

— Надеюсь, вы не приняли сегодняшний инцидент близко к сердцу? — бесцеремонно начал он.

Бастиан прищурился на чародея:

— При чем же тут сердце? Я, помнится, уже говорил, что с подобными шутками надо заканчивать. И я намерен покончить с ними, так или иначе!

Ребенген закатил глаза:

— Я тебя умоляю! Все и так уже запуганы до одури. Глава Целителей лежит с нервным срывом, а кризису с доппельгангерами конца не видно. Уже сейчас количество вовлеченных в заговор составляет шесть тысяч человек, а о скольких мы еще не знаем?!

— Раньше думать надо было.

Не желая спорить с очевидным, Ребенген покаянно кивнул:

— Надо было.

Одержав небольшую победу, Бастиан подобрел. Его внимание снова сфокусировалось на Першине.

— Да вы ешьте, уважаемый, они не отравлены! — почти ласково предложил Лорд.

Першин порывисто схватил булочку и запихал ее в рот целиком.

Ребенген закатил глаза. Что делать? Утром ему казалось, что Першин достаточно свободно чувствует себя в Академии, где на каждом шагу встречаются отпрыски знатных семейств. У него что, комплекс на Великих Лордов? Или конкретно — на повелителя Шоканги?

— Адан, прекратишь ли ты идиотничать?

Маг что-то пробубнил с набитым ртом.

— Я совершенно серьезно. Что с тобой происходит? Можешь говорить свободно, здесь все свои.

Першин дожевывал булку, пытаясь собраться с мыслями.

Между тем молодой Лорд успел опустошить вазочку с крендельками и потянулся к сервировочному столику, чтобы налить себе еще чаю. Повелитель Шоканги благодушно наблюдал, как его сын попирает все правила приличия.

— Мне помочь? — не удержался Ребенген.

— Не надо! — Юноша подтянул столик за ножку и завладел чайником. — Я достану.

Ребенген понял, что комплексы по поводу Великих Лордов есть не только у Першина, и застонал:

— Люди! Давайте будем проще, хотя бы сегодня.

— Это все Серые, — заключил Бастиан. — Они даже на тебя влияют.

— Да, — покаялся чародей, — сначала жутко раздражает, а потом внутри такая дивная легкость появляется...

— Смотрю на них и понимаю, как много я потерял в жизни!

Такого заявления от повелителя Шоканги Ребенген не ожидал.

— Чего ты удивляешься? — хмыкнул Лорд. — У меня половина времени уходит на то, чтобы заставить людей просто делать свое дело. Заметь, за вознаграждение. И все равно, хоть озолоти их, все сделают не так! А этим говорю: «Нужен мост». Их бригадир — мне: «Двести золотых, сорок бревен, четыре дня». И знаешь что? Через четыре дня мост был!!

— Сколько денег они слупили с тебя в итоге?

— Ровно двести золотых. Я не собираюсь поощрять стяжательство!

Ребенген праздно задумался, что будет, когда практичность Серых помножится на меркантильность арконийцев. Тем временем Першин справился с булкой и начал прихлебывать свой чай. Пора было переходить к делу.

— Бастиан, у меня к тебе серьезный разговор...

Лорд довольно оскалился:

— Я так и подумал.

— Почему? — полюбопытствовал чародей.

— Я знаю, что произошло в Россанге.

— А что произошло в Россанге? — живо заинтересовался Гэбриэл.

— Джеррола едва не убили, — просветил его отец.

— Еще одного Лорда? — поразился юноша.

Повелитель Шоканги насмешливо фыркнул:

— Стадо баранов! Как их предки Лордами стали, понять не могу?

— Не будем обобщать! — поморщился Ребенген. — В Каверри наши действия были весьма удачны.

— Мм... — Лорд Бастиан поднял с блюда нанизанное на щепку пирожное и попробовал его на вкус. — Филиас всегда был себе на уме. Я никогда не мог сказать, на что он способен.

— Влияние стихий? — Ребенген всегда задавал себе вопрос, как влияет на характер Великих Лордов посвящение стихиям, происходящее посредством древних магических знаков. В провинции Шоканга располагался символ огня, в Россанге — воздуха, в Каверри — воды.

Великий Лорд пожал плечами:

— Какая разница? Взятся править — умей держать удар!

Ребенген решил не углубляться в политику:

— Так вот, у нас проблема: разработанный тобой способ позволяет обнаруживать собственно допельгангеров, на завербованных ими граждан Арконата он не действует, мы рискуем срубить верхушки, оставив корни в земле. А при попытке захватить их живыми... Ты работаешь с ними дольше, удавалось ли тебе их допросить?

Великий Лорд не торопился с ответом. Он не спеша пил чай.

— А вот об этом я хочу поговорить с Нантреком лично. Устрой нам встречу! И предупреди его, что благотворительность закончилась.

— Что ты хочешь за свою помощь? — вздохнул чародей.

— Я хочу, чтобы место, откуда они являются, было уничтожено, чего бы это вам ни стоило. Никаких компромиссов, никаких соглашений!

— Ну, это подразумевается...

— А я хочу, чтобы вы дали клятву!

— Я передам Нантреку твои слова.

— Вот и хорошо. — Лорд выудил откуда-то три медных шарика и начал привычно катать их в ладони.

Оценив тяжесть предметов, Ребенген заключил, что убийство им пока не грозит, и решил зайти с другого конца:

— Как ты относишься к предложению Ракша?

Старший Лорд пожал плечами, его сын снова вмешался:

— А как к нему можно относиться?

Действительно — как? Чародей решил замять эту тему и сосредоточиться на еде: Першин уже вовсю жует, а при той скорости, с какой Гэбриэл поглощал печенье, на столе скоро останутся одни вазочки. Ребенген выбрал себе пирожное, облитое чем-то белым и посыпанное дроблеными орехами.

— Не знал, что ты любишь сладкое, — усмехнулся Бастиан.

— Не люблю, — признался чародей. — Но последнее время очень тянет.

— Это нервы.

Ох, нервы! У Ребенгена даже слеза на глаза навернулась. Обычно при такой нагрузке ему помогали эликсиры, но после прошлогоднего опыта он не решался их принимать — слишком легко втянуться. А ведь он так молод (особенно — для чародея) и уже так много сделал

для ордена. Наверное, сладкое благотворно действовало не только на него, Першин собрался с мыслями и решился задать вопрос:

— А как она выглядит?

— Кто — она? — оторвался от пирожных Гэбриэл.

— Тьма, — уточнил маг.

У Ребенгена засосало под ложечкой.

— Такая черная, — сообщил юноша, — и дымится. Вы что, хотите посмотреть на нее в натуре?

Глаза мага азартно заблестели:

— Да, конечно! Если это ничему не повредит.

— Только нервам, — буркнул Ребенген и заторопился с пирожным.

Молодой Лорд серьезно кивнул:

— Хочу предупредить: это может быть очень неприятно, даже на взгляд со стороны. Хотя на обычных людей не действует.

«А ведь обычных-то людей среди нас и нет!» — сообразил Ребенген.

Гэбриэл бросил вопросительный взгляд на отца.

— Действуй! — усмехнулся Бастиан. — Давно хотелось узнать, что это такое.

— А я бы воздержался, — буркнул Ребенген, — но кто меня станет слушать?

Повелитель Шоканги расхохотался в ответ, это явление было настолько неестественным, что мажордом испуганно заглянул в комнату.

Гэбриэл пожал плечами и сложил ладони лодочкой, а дальнейшее произошло так быстро, что слилось для Ребенгена в одно событие. Миг, и в руках юноши появилось нечто, что назвать субстанцией было нельзя — так, прореха в реальности, дырка без дна, без единого отсвета. Кладезь Мрака не курился дымом, скорее — наводил на окружающее пространство рябь, словно пробовал материю на прочность. За долю секунды Ребенген осознал, что перед ним находится воплощенное Небытие, отрицание Сущего, Абсолютная Тьма. Мысль о том, что когда-то это уже касалось его, пугала чародея до помрачения, но опуститься до визгливых воплей о пощаде он не успел — раздался грохот, и Разрушитель поспешно отпустил свою Силу.

Першин лежал в глубоком обмороке — он отшатнулся от стола так стремительно, что упал на пол вместе с креслом, чтобы привести его в сознание, мажордома пришлось послать за нюхательной солью. Ребенген зыркнул искоса на повелителя Шоканги: Лорд Бастиан побледнел, но отстраняться не стал. Его глаза казались еще темнее, чем обычно, в зрачках блуждали синие отсветы и какое-то безумное ликование. Возможно, дело было в семейном родстве или в покровительстве Огня Шоканги, но Ребенгену показалось, что Лорда очаровала сама мысль о Силе, способной прижать к ногтю любого мага. Прики-

нув, как далеко может зайти воображение Бастиана, чародей понял, что с экспериментами надо завязывать.

— Это индивидуальная реакция, — пояснял молодой Лорд, пока Першина расталкивали и усаживали в кресло. — Бигген установил, что Разрушение как-то завязано на структуру личности.

При Ребенгене Бигген выражался конкретней — на рациональное мышление, и добавлял, что оно не всегда является сильной чертой магов. Но говорить при Першине, что у него с мозгами не очень, было бы жестоко. Тем более что маг быстро справился с потрясением, на-верное, сказался опыт службы на Границе.

— Да-а, — протянул Першин, вытирая пот со лба рукавом, — с этим надо быть поосторожней.

— Простые граждане ничего не чувствуют, необученные маги тоже, — Ребенген уже вернулся в свое кресло, — экспериментально установленный факт. Но сколько шума может поднять один-единственный посвященный, если все поймет неправильно, страшно даже думать. Оперативный Совет принял решение провести предварительную подготовку.

Такой подход Першин мог понять.

Задумчиво оглядев помятых волшебников, Лорд Бастиан подал знак мажордому, и тот сменил приборы — на столе появились фужеры из каверрийского стекла, заполненные золотистым яблочным вином. Ребенген мысленно разделил емкость на три и напомнил себе о разнице в весе — соревноваться в питии с хозяевами стола не стоило. К теме Разрушения, по молчаливому согласию, не возвращались. Говорили о политике, ценах на зерно и железо. О том, какой доход могут принести провинции оружейные мастерские, которые собиралось открыть в Шоканге Серое Братство (в качестве товара никто не сомневался, но в возможность собрать налоги с упрямых южан верили немногие). Ребенген приложил все силы для того, чтобы разговорить Першина. Это оказалось несложно (маг недооценил размер фужеров), но потом коллегу повело на пошлые анекдоты и пришлось спешно откланяться — юмор, принятый в среде волшебников, Великий Лорд мог не оценить.

Пограничные Стражи у дверей проводили покачивающуюся папочку мрачными взглядами. «Одно в них хорошо, — неожиданно понял для себя маг, — сплетен можно не опасаться! Преподаватель Академии в подпитии — не лучший пример для студентов». Маг твердой рукой направил Першина в сторону парка и домиков преподавателей, а сам поспешил к административному корпусу — Нантрек наверняка дожидается доклада. Бессовестно заставлять председателя ждать только потому, что вино у Дракониса оказалось слишком удачным.

Выходя из комнаты, мэтр Першин приложился к косяку и внятно обматерил неудачную архитектуру. Ну да, ну да. Я, например, в эту

дверь проходил свободно. Отец оставался невозмутим, а моя худшая половина прикидывала, на какие фокусы можно было бы развести пьяного чародея.

— Ну и каково твое впечатление от общения со столпами общества, сын?

— По-моему, они зарываются! — честно признался я.

Отец усмехнулся:

— Это их нормальное состояние. Вопрос в том, собираешься ли ты что-то по этому поводу предпринять?

Я подумал и покачал головой:

— Нет. Они начнут плакаться, и в результате я им еще и должен окажусь.

Он понимающе усмехнулся и длинным глотком допил вино.

Пока мажордом убирал со стола бокалы, мы хранили молчание, а потом я заторопился — оставался еще один вопрос, который легче было решить прямо сейчас, как в реку прыгнуть.

— Ты тут говорил про страну допельгангеров, о том, чтобы ее уничтожить...

Отец поощрительно кивнул.

— Отступишь.

Большой эффект я мог бы произвести, только обернувшись демоном. Непонимание, неверие, гнев, растерянность. Мы еще ни разу не расходились во мнениях относительно чего-либо.

Я поспешил объяснить:

— Если бы речь шла об истреблении тех, кто посылает к нам убийц, я первый взял бы копье в руки. Пусть их участи ужаснутся небеса! Но ты говорил о местности, о стране. Уверен, большинство тех, кто там живет, так же не слышали о нас, как мы — о них. Для них твоя месть будет беспричинной и бессмысленной. Не надо. Пусть сами разбираются со своей бедой.

— Ты считаешь допельгангеров бедой?

— Такие типы не могут быть благословением.

— А если те, за кого ты так волнуешься, чувствуют этих убийц как героев?

Тут я заткнулся, поняв, какую чушь говорю. Первое, от чего в Академии старательно отучают отпрысков знатных семейств, так это от сентиментальности — наше славное королевство может выдержать двух Драконисов подряд, но стоит боевому духу Лордов дрогнуть, как нас всех перетрут в порошок благодарные подданные. Даже без допельгангеров смутьянов навалом, в Гатанге каждые три года бузит чернь, а орден магов не покладая рук пропальвает потенциальных бунтовщиков среди знати (ради благой цели, естественно). И вот я, просидевший в Академии полжизни, несущий перед отцом такой вздор...

Заметив мои сомнения, отец довольно ухмыльнулся:

— Не мучайся, сын. Когда мы их найдем, обещаю, ты сможешь еще раз обдумать свою просьбу.

Бастиан Шоканги обещал не рубить с плеча! Большого от него не смогли бы добиться ни король, ни орден магов, явившийся полным составом. Я благодарно кивнул, и отец перевел разговор на дела: кого я возьму на встречу с Ракшем, кого не возьму и кого взять придется. Короче говоря, политика.

Над этим я тоже думал.

— Надо будет пригласить в свидетели живописца, я тут заглянул в библиотеку и обнаружил, что изображений Первого у них нет.

— Хорошая мысль, — одобрил отец. — Першина, как я понял, тебе всучили даром, но если на Ракша захочет посмотреть кто-то еще, пусть готовятся платить. Так им и скажи!

— Па, а не слишком ли много ты общаешься с Серыми?

— В самый раз. Кое-кто желает развлечься за счет нашей семьи, сын, — глаза Повелителя Шоканги сверкнули злобным синим огоньком, — а бесплатные зрелища бывают только у эшафота.

Я решил, что лучше не развивать мысль в этом направлении. Судя по всему, визиту Первого Ракша предстояло превратиться в знатный балаган.

ГЛАВА 5

Жизнь как бальное платье: в мечтах — прекрасно, наденешь — жмет и натирает.

Запись в альбоме девицы Дарсаньи

Умчаться куда-то в начале весны — не самое типичное поведение для ученика Академии, причем дело тут не в зачетах и экзаменах. Люди — не птицы, в небе не летают, а использовать орденские пентаграммы в личных целях не всякому позволено. Почему никто не рассматривает альтернативу, я как-то не задумывался, казалось бы, прошлогодний опыт должен был научить меня осторожности, но — нет. По прошествии времени острота ощущений поблекла, а перенесенные лишения списались на происки врагов. И вообще, путь к пагоде Васесея воспринимался мной несколько абстрактно, в отрыве от реальных дорог.

Для начала нужно было добраться в Шокангу своим ходом, потому что воспользоваться классической пентаграммой перемещения для Разрушителя — особо изощренный способ самоубийства. Я покинул Академию задолго до равноденствия — спешить, равно как и опаздывать на встречу с Ракшем, не хотелось. Отец ко мне не присоединился, к сожалению, Ребенген — тоже. Складывалось впечатление, что взрослые занялись чем-то своим и очень увлекательным, а моя

долгожданная прогулка стремительно превращалась в кошмар. Я тронулся в путь днем верхом на лошади, но с таким же успехом мог ехать ночью и в мешке — города за тройным слоем охраны видно не было. Ах да, у нас ведь убили Лорда! Поймите правильно, никто не ожидал от соратников Сандерса самоубийственной лобовой атаки, но оставались еще добрые подданные, воодушевленные чужим успехом. Предприимчивые олухи могли добиться своего чисто случайно. И в том, что желающие поквитаться с Драконисами есть, я нисколько не сомневался.

Меня плотно обступали Пограничные Стражи в гвардейской форме с позументами (словно мастифы в кружевах), дальше колыхались фиолетовые плащи выделенных орденом телохранителей, а уже за ними звенели сбруей собственно гвардейцы и маги, которые наполовину тоже были орденскими. (В кортеже Лорда Шоканги! Куда катится мир?) Телохранители несли на пиках разноцветные флажки, из-за которых даже крыши домов оставались недоступны моему взгляду. Толстая бронированная гусеница медленно продавливалась сквозь город по направлению Восточных ворот.

В двух шагах от меня гудела и шумела невидимая Гатанга. Пахло навозом, дымом от каминов и невероятной мешаниной кухонных ароматов. Аппетита такая смесь не вызывала, но до чего же хотелось посмотреть, что там покупают и едят! Воспоминания Тени Магистра звали пройтись по крышам или кабакам, навестить старых знакомых и поугагать их своей осведомленностью (как бы не зарезали). В прошлом году это было бы возможно, но сейчас — нет.

На мосту через мутный приток Эт-Кемаи я демонстративно остановился, спешился и заглянул в воду. Мне хотелось, чтобы там был демон (безумие какое!), в него можно было бы пухнуть Тьмой и избавиться, наконец, от этой давящей тяжести внутри (с некоторых пор последствия моего раздражения стали небезобидны). Но река, от обилия нечистот никогда не покрывавшаяся льдом, осталась непрозрачно-черной, а воображение начало искать еще какую-нибудь цель.

Подлинный масштаб бедствия стал ясен только вечером, когда отряд собрался на общую трапезу. К тому моменту ни одного чужака на постоялом дворе, естественно, уже не было. Маги кучковались в одном углу зала, солдаты — в другом, на меня никто не смотрел и не потому, что я — сын Бастиана, просто им не хотелось играть в перегилашки с Пограничными. Рядом остался сидеть только Першин, суровый боевой чародей без чувства самосохранения. Я честно дождался конца ужина в наивной надежде, что уж потом-то народ подобрееет, и только когда столы опустели, понял — вот так вот и путешествуют Великие Лорды.

ГЛОССАРИЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Ай-Тесла — остров у южного побережья, резиденция патриарха Аякаси.

Гьет — город в Шоканге.

Долгое озеро — водоем в горах Кабрина.

Ирам — остров у южного побережья.

Карбахарад — город в верхнем течении судоходной части Ранги.

Квартал Кожевников — заброшенный район Гатанги.

Кнаблех — город в Россанге.

Остров Трех Башен (Обитель Мудрецов) — наиболее удаленный из островов южного побережья, резиденция Вечных владык.

Пагода Васесея — географическая точка, обозначенная на древних картах Хеусенкая. К рассматриваемому моменту имеет вид ложбины с родником.

Палатан — город в предгорьях на бывшей территории Кабрина.

Ранга — река, крупнейшая водная артерия на бывшей территории Зефериды.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Высшие маги — самоназвание морфов, создаваемых Храмом.

Догма Аркона — учение, постулирующее возможность заключения сделки с Творцом (влияния на коллективную волю Вселенной). Подтверждено экспериментально.

Допшельгангеры (перевертыши) — агенты влияния Храма в Арконате, самоназвание — преображенные. Способны принимать облик других людей.

Иное Зрение — состояние полного слияния с миром, доступное магам выше четвертого уровня (в терминологии Арконата).

Морфинг — запрещенное направление ритуальной магии, основанное на амулетизации организма. Человек, подвергнутый морфингу, — морф.

Разрушители — адепты магии Омни (она же Тьма, она же Разру-

шение). До Эпохи Хаоса были объединены в Темный орден Разрушения.

Ритуал Конструктивного Предвидения — возможность изменять судьбу, находясь в ключевых точках Реальности. Для осуществления требует присутствия Разрушителя.

Секта Черепов — последователи Общества Ищущих, альтернативного Догме Аркона учения.

Слияние — вид магического взаимодействия, объединяющего сознание всех демонов.

Храм — военизированная религиозная организация, контролирующая территорию древней Зефериды и прилегающее побережье. Все члены Храма — посвященные.

Шаманы — собирательное название одаренных, практикующих примитивные формы волшебства без опоры на глубокое теоретическое знание. В Стахе представлены простейшими разновидностями морфов, в Зефериде — племенем Малакима.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗРУШИТЕЛИ	7
<i>Глоссарий</i>	344
МАГИСТР РАЗРУШЕНИЯ	349
<i>Глоссарий</i>	696